

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 2 / 2022

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского Центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАКАРЕНКО Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Research, Faculty of Law, Kazan Federal University
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Faculty of International Relations, Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev (PLRC)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. MAKARENKO	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Мохорова А. Ю., Мохоров Д. А., Долженкова Е. <i>Правовые проблемы применения искусственного интеллекта</i>	5
--	---

РАКУРС

Варчук А. А., Филиппов Д. И. <i>К вопросу о правовом режиме криптоактивов через призму инвестирования</i>	12
--	----

РОССИЯ

Бражник А. А. <i>Развитие института представительства в Российской империи дореформенного периода</i>	19
--	----

Шамсумова Э. Ф., Янчурина А. А., Федоров С. М. <i>Развитие законодательства в сфере образования при Александре II и Александре III</i>	24
--	----

Гренов А. Д. <i>Вещное право по ГК РСФСР 1922 г.</i>	30
---	----

Голоскубов И. Н. <i>Методологический подход к определению роли церкви в государстве</i>	34
--	----

МИР

Лунев Ю. Ф. <i>Право торгового оборота в узбекских ханствах</i>	38
--	----

Колесников И. А. <i>Гуманизация системы уголовных наказаний в Западной Европе (на примере смертной казни)</i>	46
--	----

Маркелов С. К. <i>Братья-мусульмане: методология и стратегия террористической организации</i>	52
--	----

Сыроежкин А. М. <i>Реализация идей социоцентризма и антропоцентризма в лицензировании</i>	61
--	----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Скоробогатов А. В. <i>Нормативный правовой акт как средство конструирования правовой реальности</i>	67
--	----

CONTENTS

TRENDS

Mokhorova A. Yu., Mokhorov D. A., Dolzhenkova E. <i>Legal Problems of Artificial Intelligence Application</i>	5
---	---

PERSPECTIVE

Varchuk A. A., Filippov D. I. <i>The Legal Regime of Crypto Assets through the Prism of Investment</i>	12
--	----

RUSSIA

Brazhnik A. A. <i>Representation Development in the Russian Empire of the Pre-Reform Period</i>	19
Shamsumova E. F., Yanchurina A. A., Fedorov S. M. <i>Education Legislation Development under Alexander II and Alexander III</i>	24
Grenov A. D. <i>Property Law under the Civil Code of the RSFSR 1922</i>	30
Goloskubov I. N. <i>A Methodological Approach to the Role of the Church in the State</i>	34

THE WORLD

Lunev Yu. F. <i>Trade Turnover Law in the Uzbek Khanates</i>	38
Kolesnikov I. A. <i>Humanization of the Criminal Punishment System in Western Europe (Death Penalty as a Case Study)</i>	46
Markelov S. K. <i>Muslim Brotherhood: Terrorist Organization Methodology and Strategy</i>	52
Syroezhkin A. M. <i>Implementation of Sociocentrism and Anthropocentrism Ideas in Licensing</i>	61

POINT OF VIEW

Skorobogatov A. V. <i>A Normative Legal Act as a Means of Legal Reality Constructing</i>	67
---	----

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Мохоров Дмитрий Анатольевич, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат юридических наук, доцент
195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
mohorov-da@spbstu.ru

Мохорова Анна Юрьевна, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат политических наук, доцент
195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
mokhorova@list.ru

Долженкова Екатерина, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат политических наук
195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
skinx@inbox.lv

© Мохов Д. А., Мохова А. Ю., Долженкова Е., 2022

Аннотация. Развитие информационного общества в современных условиях базируется на всестороннем развитии различного вида связей в области политики, экономики, правовой сферы, культуры. Подобные связи влияют на все виды человеческих отношений, как индивидуальных (физических), так и групповых (коммерческих), что подтверждает необходимость создания правового механизма регулирования искусственного интеллекта, который преимущественно стал использоваться в информационном пространстве. Глобализация — не только как тренд, но и как продукт развития информационного пространства, также ставит перед обществом собственные вопросы. Интеграционный характер эволюционных процессов в международных отношениях отчетливо проявляется в правовом регулировании разработки, внедрения, использования искусственного интеллекта для повышения эффективности использования передовых достижений в производстве товаров, выполнения работ, предоставления услуг, что является областью применения гражданско-правовых механизмов воздействия на указанные общественные отношения. Целью статьи является исследование гражданско-правового регулирования использования искусственного интеллекта в области национального и международного сотрудничества. Для этого применяются разнообразные научные методы: информационно-аналитический, программно-практический, системный. Что позволяет рассмотреть как национальные законодательства, так и международно-правовой опыт развития и применения нормативно-правового механизма регулирования искусственного интеллекта. Особый интерес представляет опыт ЕС как союза государств с высокой степенью интеграционных процессов, а также опыт ООН как международной организа-

ции, влияющей на все мировое сообщество. В результате исследования предложены варианты регламентирования имущественных отношений, возникающих при использовании достижений в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова: глобализация; государство; общество; гражданское право; международные отношения; искусственный интеллект; нормативный правовой акт; правовое регулирование; физическое лицо; юридическое лицо.

LEGAL PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE APPLICATION

Dmitriy A. Mokhorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
ul. Politechnicheskaya, d. 29, St. Petersburg, Russia, 195251
mohorov-da@spbstu.ru

Anna Yu. Mokhorova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
ul. Politechnicheskaya, d. 29, St. Petersburg, Russia, 195251
mokhorova@list.ru

Ekaterina Dolzhenkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
ul. Politechnicheskaya, d. 29, St. Petersburg, Russia, 195251
skinx@inbox.lv

Abstract. The information society development in modern conditions is based on the comprehensive development of various types of relations in politics, economics, law, and culture. Such relationships affect all types of inter-human relationships, both individual (physical) and group (commercial), which confirms the need to create a legal mechanism for regulating artificial intelligence that is primarily used in the information space. Globalization also poses its own questions to society not only as a trend, but also as a product of the development of the information space. An integrative nature of evolutionary processes in international relations is clearly manifested in the legal regulation of the development, implementation, and use of artificial intelligence to increase the efficiency of using advanced achievements in the production of goods, performance of works, and provision of services, which forms the scope of civil law mechanisms of influence on these public relations. The purpose of the article is to study the civil law regulation of the use of artificial intelligence in the field of national and international cooperation. Thus, various research methods are used: information-analytical, software-practical, and systems approaches. This allows the authors to consider both national legislation and international legal experience in the development and application of the regulatory mechanism for regulating artificial intelligence. The EU experience as a union of states with a high degree of integration processes system approach along with the experience of the UN as an international organization influencing the entire world community. As a result of the study, options for regulating property relations arising from the use of achievements in the field of artificial intelligence are proposed.

Keywords: globalization; state; society; civil law; international relations; artificial intelligence; regulatory legal act; legal regulation; individual; legal entity.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) несет за собой как позитивные, так и негативные последствия, которые должны быть в максимальной степени учтены в нормативных правовых актах, регулирующих применение автоматизированных систем в разнообразных отраслях деятельности, науки, промышленности, сельского хозяйства, в сфере транспорта и связи. Актуальность данной проблематики заключается в том, что хозяйственная активность человеческого общества в основном регламентируется нормами гражданского права. Следует отметить, что в гражданском законодательстве различных государств нет в достаточной степени разработанной правовой базы, которая бы четко определяла основные концептуальные подходы, способные обеспечить применение формально-юридических механизмов в процессах разработки, внедрения и использования новых информационных систем, содержащих в себе определенные признаки ИИ.

Ввиду того что вопросы, связанные с применением новых информационных технологий в практической сфере деятельности человека возникли сравнительно недавно, в области юриспруденции затруднительно отметить фундаментальные научные исследования, позволяющие выстроить систему объективных подходов, помогающих выявить с достаточной степенью детализации методы и приемы, приемлемые для эффективного воздействия со стороны органов государственной власти на широкое применение систем ИИ.

На рубеже XX–XXI вв. ряд исследователей в своих работах попытались найти ответы на наиболее актуальные проблемы правового характера, связанные с использованием устройств и механизмов, наделенных ИИ. Тем самым специалисты в области права всё более и более целеустремленно пытаются обосновать наиболее удачные подходы к урегулированию отношений, в рамках которых будет задействован искусственный интеллект. В числе важных работ по вопросам правового обеспечения использования искусственного интеллекта можно назвать «Законы роботов: преступления, контракты и правонарушения» У. Пагалло¹ и «Право роботов» Р. Кало². Авторы указанных научных разработок попытались сформулировать наиболее актуальные направления правового воздействия на внедрение в различные сферы народного хозяйства достижений информационного характера, для того чтобы органически внедрить их в обычную практику деловой активности. В материалах исследований ученых Стэнфордского университета «Искусственный интеллект и жизнь в 2030 году» с подзаголовком «Столетнее изучение искусственного интеллекта»³ отмечалось, что использование ИИ в ближайшем будущем будет широко представлено в таких сферах, как транспорт, сервис, здравоохранение, образование, общественная безопасность, труд и занятость, домоводство и развлечения. Вместе с тем исследователи обращают внимание на факт отсутствия необходимой правовой базы, которая бы обеспечила для общества юридические основы использования ИИ. Проблематика ИИ нашла свое значительное отражение и в работах российских авторов⁴.

¹ См.: *Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts* (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media, 2013. 181 p.

² См.: *Calo R., Froomkin A., Kerr I. Robot Law*. Edward Elgar Publishing, 2016. 424 p.

³ См.: *Stone P. et al. Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016*. Stanford : Stanford University, 2016. 52 p.

⁴ См.: *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. 2017. № 5. С. 157–170 ; *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 414 с. ; *Наумов В. Б.* Общие вызовы права и государственного управления в цифровую эпоху // *Ленинградский юридический журнал*. 2019. № 1 (55). С. 43–57 ; *Незнамов А. В., Наумов В. Б.* Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // *Закон*. 2018. № 2. С. 69–90 ; *Филиппова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // *Государство и право*. 2018. № 9. С. 79–88 ; *Ястребов О. А.* Правосубъект-

Вследствие процессов быстрой разработки новейших технических комплексов, обладающих ИИ в рамках гражданско-правовых отношений, становятся актуальными проблемы юридической регламентации использования последних достижений технической сферы в повседневной жизнедеятельности человека, для того чтобы исключить негативное влияние внедрения данного вида механизмов на область имущественных и неимущественных отношений.

В настоящее время можно отметить, что при решении указанной проблематики различными исследователями реализуются несколько подходов к правовому регулированию ИИ. Одним из них является юридический, другим — технологический, третьим — комбинированный. В рамках первого подхода исследователи полагают, что для эффективного разрешения вопросов использования ИИ необходимо исходить из существующей правовой системы и формулировать перечни проблемных вопросов, возникающих из-за использования роботов и связанных с ответственностью, конфиденциальностью, кибербезопасностью.

Сторонники второго подхода полагают, что какой-либо специальной правовой регламентации для эксплуатации ИИ в реальной жизнедеятельности в настоящее время не требуется, так как они считают, что его применение охватывает различные стороны экономического, социального, научного, культурного развития и поэтому в принятии какого-то всеобъемлющего нормативного акта нет необходимости. Они полагают, что излишнее правовое регулирование данной быстроразвивающейся сферы будет оказывать тормозящее влияние и отрицательно скажется на результатах интеллектуальной деятельности.

Рассматривая проблематику применения ИИ, нельзя не обратить внимания, что при решении указанного спектра вопросов становится актуальным достижение сбалансированности направлений, обеспечивающих широкое использование установок с ИИ и интересов как общества в целом, так и отдельных групп. Массовое внедрение передовых информационных технологий неизбежно обостряет практическую реализацию применения правовых механизмов, которые позволяют с достаточной степенью определенности урегулировать процессы использования достижений в сфере автоматизированных систем, сочетая это с имущественными и неимущественными правами граждан, юридических лиц, государства в целом, чтобы достичь положительных результатов и одновременно создать основы для дальнейшего продвижения по пути технического прогресса. Не секрет, что имущественные позиции физических и юридических лиц, закрепленные в действующем гражданском законодательстве, так или иначе попадают под воздействие вторжения механизмов и установок ИИ в области, традиционно относящиеся к пространству творческой активности человеческой личности. Этот конфликт на уровне нормативных правовых актов, имеющих в гражданском праве, трудно разрешим, потому что до настоящего времени не актуализирован вопрос о праве интеллектуальной собственности в сфере применения ИИ, так как автоматизированные устройства в своем совершенствовании имеют тенденцию к неизбежному усложнению и, как следствие, к обладанию большими возможностями в области логического решения задач в таких отраслях, как транспортные перевозки, массовый выпуск стандартных товаров, удовлетворяющих разнообразные потребности общества, предоставление типичных видов услуг и выполнение работ, связанных с осуществлением одних и тех же технологических операций. Все это обостряет проблему совершенствования гражданского законодательства, чтобы создать устойчивые правовые основания, необходимые для эффективного регулирования использования передовых научно-технических достижений для удовлетворения материальных и нематериальных интересов членов общества, и в то же время добиться такой ситуации, в рамках которой отсутствуют правовые препятствия в виде несовершенства нормативно-правовой базы.

Учитывая, что для начала XXI в. характерным является процесс всесторонней глобализации, охватывающий и такие новые сферы научно-технической и

ность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

хозяйственной деятельности людей, нельзя не обратить внимание на актуальность правового регулирования на международном уровне всего спектра проблем, присущего массовому освоению технологий ИИ. Ведущие транснациональные корпорации мира, являющиеся ускорителями технического прогресса, имеют свои производственные мощности в разных государствах земного шара, что требует унифицированных подходов к совершенствованию международно-правовой базы, необходимой для детальной регламентации проблем, носящих международный экономический характер и оказывающих существенное влияние на свободное перемещение в рамках современного мира любых видов товаров, услуг и работ, связанных с достижениями в области информационных технологий.

В последние десятилетия в передовых международных экономических объединениях предприняты попытки урегулирования вопросов ИИ. Так, в частности, в рамках Европейского сообщества в 2017 г. принята Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике». Кроме того, в этом экономическом европейском союзе создана группа специалистов для выработки общеприемлемых правовых подходов, которые можно применить на территории континентальной Европы, чтобы впоследствии создать общепринятую правовую базу для регламентации отношений в сфере использования ИИ. В рамках улучшения процесса правового регулирования вопросов ИИ в ЕС создается Агентство по робототехнике и ИИ, осуществляющее систему регистрации объектов робототехники. То есть отчетливо прослеживается тенденция к тому, чтобы органически вписать использование передовых информационных технологий в хозяйственно-экономическую деятельность, что позволит странам ЕС в наибольшей степени получить достаточно высокий экономический эффект, связанный с применением ИИ.

Необходимо отметить, что ведущая международная политическая организация ООН в своих решениях обратила внимание на вопросы, относящиеся к области применения достижений электронных автоматических систем при заключении договоров между различными субъектами международной деятельности. Так, в 2005 г. была принята Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах», что позволяет говорить о достаточной актуальности проблем применения автоматических систем ИИ в контексте международных отношений.

Для повышения эффективности внедрения устройств ИИ в повседневной деятельности человеческого общества требуется целая система нормативных актов, которая достаточно детально и формально-определенно устанавливает правовой статус систем ИИ. Он должен четко определить необходимые основания, обеспечивающие в первую очередь интересы общества в целом, отдельных государств, физических и юридических лиц при применении средств научно-информационного характера в экономической, культурной, творческой сферах развития. Для решения указанной актуальной проблемы представителям ведущих наиболее развитых технологических держав, а также международных организаций требуется осуществление комплексного подхода к разработке достаточно всеобъемлющих правовых актов, охватывающих различные аспекты имущественного и неимущественного характера, обусловленные внедрением передовых достижений в области техники в повседневной реальности человеческой жизни.

Как представляется, наиболее развитые государства мира должны выработать единые правовые подходы к урегулированию вопросов широкого применения устройств ИИ как на международной арене, так и на территории отдельных стран. Это отражает ведущие тенденции развития разнообразных связей между субъектами международного права и лежит в русле наиболее перспективного направления, обеспечивающего быстрый технологический прогресс в наиболее передовых отраслях человеческого знания.

В рамках разрешения вопросов использования ИИ в Российской Федерации как одном из активных участников процессов глобализации ведущими специалистами в области гражданского законодательства и инвестиционной деятельности предложена концепция закона, регулирующего вопросы создания реестра устройств

ИИ и вместе с тем устанавливающего значительные ограничения имущественной ответственности создателей робототехники, что создаст условия для интенсивного вложения значительных финансовых ресурсов в сферу разработки и применения систем ИИ и позволит нашему государству занимать устойчивые передовые позиции в этой важной области дальнейшего технологического развития.

Правовая регламентация процессов, связанных с ИИ, требует внесения изменений в гражданское законодательство различных государств, а также создание нормативных правовых актов, регулирующих вопросы применения робототехнических комплексов для обеспечения более высоких стандартов жизнедеятельности отдельных членов общества, что позитивно скажется на разнообразных аспектах индивидуальной активности человека и позволит выработать положительное отношение в массовом сознании к внедрению достижений научно-технического комплекса. Вместе с тем вопросы правового характера, касающиеся разных сторон использования новейших информационных систем, оставляют широкие возможности для разработки органами государственной власти оптимальных решений, касающихся органического включения результатов передовой научной мысли в экономическую, культурную, социальную, экологическую сферы деятельности человеческого сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157–170.
2. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 414 с.
3. Наумов В. Б. Общие вызовы права и государственного управления в цифровую эпоху // Ленинградский юридический журнал. — 2019. — № 1 (55). — С. 43–57.
4. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. — 2018. — № 2. — С. 69–90.
5. Филиппова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. — 2018. — № 9. — С. 79–88.
6. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 36–55.
7. Calo R., Froomkin A., Kerr I. Robot Law. — Edward Elgar Publishing, 2016. — 424 p.
8. Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series). — Springer Science & Business Media, 2013. — 181 p.
9. Stone P. et al. Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016. — Stanford : Stanford University, 2016. — 52 p.

REFERENCES

1. Arkhipov VV., Naumov VB. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatelstva o robototekhnike: aspekty voli i pravosubektnosti [On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: The Aspects of Will and Legal Personality]. *Statute*. 2017;5;157-170 (In Russ.).
2. Morkhat PM. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis.... d-rayurid. nauk [The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems : Doctoral Dissertation]. Moscow; 2018 (In Russ.).

3. Naumov VB. Obshchie vyzovy prava i gosudarstvennogo upravleniya v tsifrovuyu epokhu [General challenges of law and public administration in the digital age]. *Leningrad Legal Journal*. 2019;1(55):43-57 (In Russ).
4. Neznamov AV., Naumov VB. Strategiya regulirovaniya robototekhniki i kiberfizicheskikh sistem [Strategy of robotics regulation and cyberphysical systems]. *Statute*. 2018;2:69-90 (In Russ.).
5. Filippova IA. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: regulirovanie v Rossii, inostrannye issledovaniya i praktika [Legal regulation of artificial intelligence: the need for regulation in Russia, foreign studies and practice]. *State and Law*. 2018;9:79-88 (In Russ.).
6. Yastrebov OA. Pravosubektnost elektronnoho litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2018;13(2):36-55 (In Russ.).
7. Calo R., Froomkin A., Kerr I. Robot Law. Edward Elgar Publishing; 2016.
8. Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media; 2013.
9. Stone P. et al. Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016. Stanford: Stanford University; 2016.

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.012-018

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ КРИПТОАКТИВОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Варчук Александр Анатольевич, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
varchuk.aleksander@yandex.ru

Филиппов Дмитрий Иванович, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
filippov@lexborealis.com

© Варчук А. А., Филиппов Д. И., 2022

Аннотация. Целью статьи является исследование криптовалюты (цифровой финансовый актив, цифровая валюта) в предпринимательских правоотношениях, включающее в себя рассмотрение особенностей сущности криптовалюты, а также инвестирования в данный объект. Оговоримся, что за рамки указанной цели выходит анализ национальных криптоактивов. Потребность в определении правовой природы криптовалюты обусловлена необходимостью наиболее точным образом определить ее правовой режим, что, в свою очередь, предопределяет регулирование в рамках деятельности корпораций. Однако отметим, что существующие на сегодняшний день теории и подходы весьма отличаются друг от друга, что можно объяснить существованием различающихся по своей сути и назначению криптовалют, различными правовыми традициями в том или ином государстве и пр. В статье исследуется вопрос о юридической природе криптоактивов, а также проблемы, связанные с инвестированием в данный цифровой финансовый актив. Приводится классификация криптовалют на централизованные и децентрализованные. Сделан вывод о сущностной идентичности централизованных криптовалют и бездокументарных ценных бумаг. Проанализированы возможные перспективы расширения направлений использования децентрализованных криптоактивов, а также нормы действующего законодательства в рассматриваемой сфере. Авторы выдвигают предложения по совершенствованию норм о цифровых финансовых активах: закрепить процедуру допуска актива к организованным торгам; предусмотреть требования по обязательному раскрытию информации; урегулировать способы защиты прав инвесторов. Представлено политико-правовое обоснование указанных предложений. В рамках исследования авторами также рассматривается подход к правовому режиму криптоактивов, сформировавшийся в законодательстве и судебной практике США.

Ключевые слова: гражданское право; предпринимательское право; законодательство; валюта; цифровая валюта; криптоактив; цифровой финансовый актив; централизованная криптовалюта; децентрализованная криптовалюта; бездокументарная ценная бумага.

THE LEGAL REGIME OF CRYPTO ASSETS THROUGH THE PRISM OF INVESTMENT

Aleksandr A. Varchuk, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933

varchuk.aleksander@yandex.ru

Dmitriy I. Filippov, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933

filippov@lexborealis.com

Abstract. *The purpose of the article is to study cryptocurrencies (a digital financial asset, digital currency) in business legal relationships, including consideration of the features of the essence of crypto currencies, as well as investing in this object. We make a reservation that the analysis of national crypto assets goes beyond the scope of this purpose. The need to determine the legal nature of the crypto currency is preconditioned by the need to determine its legal regime in the most accurate way, which, in turn, determines regulation within the framework of corporate activities. However, we note that the theories and approaches that exist today are very different from each other. This can be explained by the existence of crypto currencies that differ in their essence and purpose, different legal traditions in a particular state, etc. The article examines the issue of the legal nature of crypto assets, as well as the problems associated with investing in this digital financial asset. The paper gives the classification of crypto currencies into centralized and decentralized currencies. The conclusion is made about the essential identity of centralized cryptocurrencies and undocumented securities. The possible prospects for expanding the use of decentralized crypto assets, as well as the norms of current legislation in this area are analyzed. The authors put forward proposals to improve the rules on digital financial assets: to consolidate the procedure for the admission of an asset to organized trading; to provide for mandatory disclosure requirements; to regulate ways to protect the rights of investors. The authors provide political and legal justification. Within the framework of the study, the authors also consider the approach to the legal regime of crypto assets that has been formed in the legislation and judicial practice of the United States.*

Keywords: *civil law; business law; legislation; currency; digital currency; crypto asset; digital financial asset; centralized cryptocurrency; decentralized cryptocurrency; non-documentary security.*

Криптовалюта представляется достаточно сложным объектом, для определения правового режима которого в том числе имеют значение: цель и способ приобретения, а также эмитенты криптовалют. Однако в настоящий момент в Российской Федерации не выработан единый подход к пониманию юридической природы криптоактивов и, соответственно, к их правовому режиму. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ предлагает лишь наиболее общее определение цифровых финансовых активов и цифровой валюты, а также отдельные особенности ее централизованной эмиссии.

Прежде всего отметим классификацию криптовалют на централизованные и децентрализованные. Необходимость демонстрации сущностной разницы данных

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5018.

видов с точки зрения их технического и экономического содержания в конечном итоге направлена на установление возможности или невозможности совершения с ними определенных действий, влекущих гражданско-правовой результат. Другими словами, юридический смысл нижеследующего заключается в установлении определенного, хотя и отличающегося друг от друга, гражданско-правового режима.

Рассматриваемая дифференциация во многом обуславливается технологическим базисом криптоактивов, которым выступает распределенный реестр (далее — блокчейн): определенной последовательностью блоков транзакций, обеспечивающих непрерывное функционирование сети. Другими словами, контракт считается достоверным и завершенным в момент, когда в сети есть информация о формате и подписи и данный контракт структурирован с иными записями в специальный блок транзакций. Безопасность и надежность криптовалюты зависят от формирования блоков транзакций, поскольку это является доказательством исполнения контрактов.

Формирование структуры блоков могут осуществлять майнеры или эмитент криптоактива. Поэтому в зависимости от субъекта, который несет ответственность за обеспечение функционирования сети, криптовалюты дифференцируются на централизованные и децентрализованные. Отметим и иные различия, например существо удостоверяемых прав, наличие или отсутствие процедуры эмиссии, однако они носят второстепенный характер. На данном этапе сделаем ремарку, в строгом смысле слова централизованные криптовалюты (более точное название — токены) криптовалютами не являются, поскольку верификация транзакций криптовалют может осуществляться только децентрализованно, а токенов — как централизованно, так и децентрализованно. Однако, думается, допустимо использовать термин «централизованная криптовалюта» для обозначения определенных токенов, поскольку общий принцип функционирования сети остается неизменным.

Итак, централизованная криптовалюта — это токены, удостоверяющие обязательственные, корпоративные права владельцев, выпускаемые в соответствии с решением о выпуске обязанным эмитентом. Эмитент в последующем обязуется обеспечивать верификацию контрактов, т.е. обеспечить безопасность всей сети. Для широкого круга инвесторов централизованная криптовалюта становится доступной в момент Initial coin offering (ICO), т.е. первого публичного размещения определенного количества токенов для свободного приобретения на криптобиржах. В последующем предложение централизованных криптовалют обеспечивает вторичный рынок, а также возможные дополнительные эмиссии.

Децентрализованная криптовалюта удостоверяет исключительно обязательственные права. Для децентрализованных криптовалют характерна децентрализация на следующих этапах:

- на этапе верификации транзакций. Верификация транзакций в сети децентрализованной криптовалюты всегда децентрализована, т.е. осуществляется независимыми субъектами — майнерами. Вместе с тем технологическим решением количество доступных для майнинга криптовалют всегда ограничено (нельзя произвести больше, чем предполагает система);
- на этапе предложения криптовалют на криптобирже. Предложение на криптобирже в значительной степени децентрализованно и не зависит от эмитента. Это значит, что стоимость децентрализованных криптовалют на бирже всегда регулируется спросом и предложением. Для централизованных криптовалют, напротив, характерна корреляция стоимости токенов с определенным видом товаров, процедуры дополнительной эмиссии и другие процессы, оказывающие влияние на стоимость токенов.

Хотя даже децентрализованные криптовалюты могут быть централизованно эмитируемы, например Ethereum и Ripple.

Необходимость рассмотренной классификации сходных экономических активов на принципиально разные объекты гражданского права прямо следует из существа их гражданско-правового режима. Последующий анализ децентрализованной и централизованной криптовалют будет основан на обозначенных правовых

критериях — характере удостоверяемых прав и субъекте, правомочном осуществлять верификацию транзакций.

Для лучшего понимания централизованных криптовалют на уровне правового регулирования укажем судебное решение Окружного суда штата Нью-Йорк (США), которое затрагивало рассмотрение вопроса о возможности юридического равенства цифровых финансовых активов и ценных бумаг². В рамках рассмотрения дела The United States Securities and Exchange Commission (далее — SEC) утверждала, что Telegram group обязан был оформить продажу криптовалюты Gram как сделку с ценными бумагами в соответствии с законодательством Соединенных Штатов (в частности, раскрыть информацию о финансовом положении, менеджменте и рисках).

Суд, посчитав позицию SEC обоснованной, указал, что криптовалюта Gram фактически использовалась как security-токены (цифровые аналоги ценных бумаг), а следовательно, подпадает под понятие security согласно Securities Act of 1933³ и Securities Exchange Act 1934⁴ и выпуск Gram без соблюдения законодательно установленной процедуры является незаконным.

В законодательстве отдельных штатов стал формироваться правовой режим криптовалюты еще в прошлом десятилетии. Например, в 2014 г. в Калифорнии был принят закон, отменяющий нормы, которые запрещали обращение объектов, использующихся как денежные средства, однако не являющихся таковыми согласно законодательству⁵. В 2015 г. Нью-Йорк стал первым штатом, создавшим рамки для регулирования бизнеса, связанного с цифровой валютой. Так, компании, занимающиеся передачей, хранением, покупкой, продажей, обменом, выпуском или администрированием виртуальной валюты, должны иметь лицензию NYSDFS⁶.

Ввиду того что понятие security в законодательстве США несколько отличается от отечественной вариации подхода к пониманию ценных бумаг, возможность отнесения криптовалюты к ценным бумагам по российскому праву порождает несколько критических замечаний, обусловленных формальной составляющей.

Обратимся к выработанным в научной литературе общим признакам ценных бумаг, одними из которых являются принцип легалитета, а также строго формальный характер⁷. В соответствии с первым отнесение объекта к числу ценных бумаг возможно исключительно на основании нормы законодательства, а второй указывает на необходимость соответствия формы и способа фиксации прав, удостоверяемых ценной бумагой, требованиям закона. Более того, отечественное законодательство в отличие от американского не предусматривает открытого перечня ценных бумаг. Следовательно, исходя из позиции российского законодателя, в совокупности со сложившимся подходом к пониманию ценных бумаг отождествление последних с криптовалютой является недопустимым. Однако данное обоснование

² Decision United States District Court Southern District of New York on the case Securities and exchange commission vs Telegram group inc. and ton issuer inc. 2020. 19-cv-9439 (PKC) // URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.nysd.524448/gov.uscourts.nysd.524448.227.0.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

³ Securities Act of 1933 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1884/pdf/COMPS-1884.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

⁴ Securities Exchange Act 1934 // URL: <https://www.nyse.com/publicdocs/nyse/regulation/nyse/sea34.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

⁵ Assembly Bill № 129 of the State of California // URL: <https://openstates.org/ca/bills/20132014/AB129/> (дата обращения: 01.04.2022).

⁶ New York Codes, Rules and Regulations, Tit. 23, Ch. I, Regulations of the Department of Financial Services, Part 200, Virtual Currencies // URL: <https://casetext.com/regulation/new-york-codes-rules-and-regulations/title-23-financial-services/chapter-i-regulations-of-the-superintendent-of-financial-services/part-200-virtual-currencies> (дата обращения: 01.04.2022).

⁷ Шевченко О. М. Правовое регулирование рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций. М. : Проспект, 2021. С. 68.

не представляется аподиктическим ввиду отсутствия принципиальной разницы в сущности централизованных криптовалют и бездокументарных ценных бумаг.

Централизованная криптовалюта, подпадающая под определение «цифровой финансовый актив», является цифровым правом (в представлении законодателя обязательственное или иное право)⁸, что, в свою очередь, идентично бездокументарным ценным бумагам (определяемое законодателем как обязательственное или иное право). Кроме того, указанные права предусмотрены решением о выпуске каждого из сравниваемых активов.

В отношении обоих объектов предусмотрены обязательные требования по регистрации выпуска, учету и обращению. Сходным признаком является наличие обязанного лица по рассматриваемым активам. Кроме того, законодателем для регулирования цифровых финансовых активов предусмотрены специальные требования к оператору информационной системы, по своей сути являющегося депозитарием. Более того, в доктрине указанные ранее нами тезисы также разделяются учеными: например, Л. Ю. Василевская отмечает, что токен представляет собой цифровой аналог бездокументарных ценных бумаг⁹.

Тезис о невозможности отнесения централизованных криптовалют к категории бездокументарных ценных бумаг, исходя лишь из формальных причин, не кажется столь однозначным.

В контексте децентрализованной криптовалюты отметим, данный объект не может быть квалифицирован как бездокументарная ценная бумага не только исходя из указанных ранее формальных критериев, но также и на основании того, что в данной конструкции отсутствует решение о выпуске и лицо, ответственное за исполнение по нему. Между тем названные условия, являясь конститутивными признаками, предусмотрены ст. 142 и 149 ГК РФ¹⁰. Более того, данный вид актива, в свою очередь, не может удостоверяется корпоративные права, а также являться средством вознаграждения инвестора.

Несмотря на то что в отечественной доктрине высказываются позиции относительно возможности рассмотрения самих бездокументарных ценных бумаг как *suī generis*¹¹, что, безусловно, является предметом специального исследования, отметим, что также и криптовалюта может быть рассмотрена как некий особый объект, лишь сопоставимый с иными, однако имеющий свою специфику и правовой режим¹². Данный подход, с одной стороны, представляется обоснованным, с учетом норм отечественного законодательства о ценных бумагах и цифровых финансовых активах. При этом, с другой стороны, такой подход видится менее стабильным для оборота, поскольку содержит в себе определенные пробелы, устранение которых необходимо для формирования более устойчивого правового режима. В свою очередь, данная проблема может быть решена благодаря совершенствованию упомянутого закона. Так, законодателю предлагается обратить внимание на следующее.

Во-первых, ввиду принципиальной разницы между централизованной и децентрализованной криптовалютой подходы к ее регулированию должны быть отличными друг от друга:

⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁹ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 114.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹¹ Суханов. Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. М. : Статут, 2019. Т. 1. С. 375.

¹² Белых В. С., Болобонова М. О. Перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в России: спорные вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 1. С. 19.

— централизованная, существо и процедура эмиссии которой довольно близки к ценным бумагам, в совокупности с невозможностью ее использования как средства платежа, должна использоваться исключительно как объект для инвестирования, находящийся за рамками цифровых валют. Нормы Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» позволяют ее рассмотрение в таком ключе (цифровой финансовый актив);

— в свою очередь децентрализованная криптовалюта, в большей мере соответствующая понятию «цифровая валюта», имеет перспективы в будущем все-таки стать средством платежа, но в большинстве своем в цифровом секторе экономики.

Осуществление трансграничных переводов денежных средств, ведение реестров и баз данных, обеспечение безопасности различных цифровых процессов — это уже сегодня секторы, в которых компании активно принимают в качестве оплаты криптовалюту. В совокупности данная практика означает, что децентрализованная криптовалюта вполне может стать полноценным и признанным средством платежа в цифровой реальности.

Во-вторых, отдельно остановимся на проблеме отсутствия возможности субсидиарного применения ко всем централизованным криптовалютам Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», хотя указанное и применимо к цифровым финансовым активам, удостоверяющим эмиссионные ценные бумаги согласно п. 4 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Однако тем самым законодатель существенно сужает круг возможных правоотношений, к которым должны быть применимы положения законодательства о ценных бумагах.

Рассмотрим некоторые из положений, действие которых необходимо распространить на отношения, связанные с централизованной криптовалютой:

— в процессе размещения и обращения централизованных криптовалют следует предусмотреть процедуру допуска к организованным торгам, включающую в себя регистрацию проспекта, а также осуществление листинга по аналогии с регулированием ценных бумаг (ст. 14 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»)¹³;

— по аналогии со ст. 30 указанного закона обязать эмитента раскрывать информацию о бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также об иных существенных фактах;

— применение норм о ценных бумагах к отношениям, связанным с централизованной криптовалютой, даст инвесторам возможность использовать способы защиты своих прав, предусмотренных, в частности, Федеральным законом от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», и, соответственно, создаст дополнительные гарантии стабильности и надежности своих активов¹⁴.

Недостаточность нормативной базы именно в сфере инвестиционного законодательства, в том числе и в рамках, не затронутых данным исследованием проблем, вызывает серьезные опасения, поскольку отсутствие устойчивых правоотношений означает риск для всей экономики, особенно в связи с все большим использованием криптовалюты, в том числе крупными корпорациями. Исходя из политико-правовых позиций отметим, что совершенствование правового режима криптоактивов позволит участникам правоотношений минимизировать риски в рамках осуществления ими своей деятельности и, соответственно, создаст более выгодные условия для привлечения инвестиций в российскую экономику.

¹³ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

¹⁴ Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белых В. С., Болобонова М. О. Перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в России: спорные вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право. — 2019. — № 1. — С. 18–23.
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111–119.
3. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1. — М. : Статут, 2019. — 576 с.
4. Шевченко О. М. Правовое регулирование рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций. — М. : Проспект, 2021. — 456 с.

REFERENCES

1. Belykh VS, Bolobonova MO. Perspektivy pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh finansovykh aktivov v Rossii: spornye voprosy teorii i praktiki [Perspectives of Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia: Controversial Issues of Theory and Practice]. *Business, Management and Law*. 2019;1:18-23 (In Russ.).
2. Vasilevskaya LYu. Token kak novyy obekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a Civil Right Object: Problems of Legal Classification of Digital Law]. *Actual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;5:111-119 (In Russ.).
3. Sukhanov EA. Grazhdanskoe pravo: uchebnik : v 4 t [Civil law: textbook : in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2019 (In Russ.).
4. Shevchenko OM. Pravovoe regulirovanie rynka tsennykh bumag i kollektivnykh investitsiy [Legal regulation of the securities market and collective investments]. Moscow: Prospekt Publ.; 2021 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.019-023

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Бражник Анастасия Александровна, студент Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
anbrazhnik@inbox.ru

© Бражник А. А., 2022

Аннотация. В статье представлена авторская интерпретация развития института представительства до Судебной реформы 1864 г. Данная работа была написана с целью изучения истории отечественной адвокатуры, автор ставит перед собой вопрос «Какой момент мы можем считать началом развития представительства и адвокатуры в России?» и пытается в нем разобраться, привлекая различные первоисточники и мнения историков. Автор анализирует процесс появления и становления института поверенных — первых прототипов современных адвокатов. В целом вопрос сопоставления дореформенных поверенных и современных адвокатов является весьма дискуссионным, поэтому в статье также рассматривается данная тема: автор представляет ключевые характеристики поверенных и стряпчих, для того чтобы читатель смог составить собственные выводы касательно сходства данных институтов. Исследуемый материал позволяет проследить эволюцию института представительства, а применение обширного методологического аппарата может способствовать всестороннему изучению этой темы. Актуальность работы проявляется в слабой разработанности темы, поскольку большинство исследователей рассматривают историю адвокатуры, начиная с XIX в. Всё же автор принимает во внимание и анализирует мнения отечественных ученых разных исторических эпох, как имперских, так и современных российских. Научным базисом данной работы выступает такая дисциплина, как история государства и права России и ее терминологический аппарат. Поскольку в рамках учебного курса студенты изучают историю возникновения и развития различных правовых институтов, эта статья, по мнению автора, может быть полезной для углубленного изучения истории адвокатуры.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; юриспруденция; история; институт представительства; адвокатура; поверенные; стряпчие; Судебная реформа 1864 г.

REPRESENTATION DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE PRE-REFORM PERIOD

Anastasia A. Brazhnik, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933

anbrazhnik@inbox.ru

Abstract. *The article presents the author's interpretation of the development of the institution of representation before the Judicial Reform of 1864. This paper was written in order to study the history of the Russian Bar. The author poses the question of at what moment the development of representation and advocacy in Russia began to develop. The author is trying to answer the question attracting various primary sources and opinions of historians. The author analyzes the process of the emergence and formation of the institute of attorneys — the first prototypes of modern lawyers. In general, the issue of comparing pre-reform attorneys and modern lawyers is very controversial, so the article also discusses this topic: the author presents the key characteristics of proxies and scriveners so that the reader can draw his own conclusions about the similarity of these institutions. The material under study allows us to trace the evolution of the institution of representation, and the use of an extensive methodological apparatus can contribute to a comprehensive study of this topic. The relevance of the work is manifested in the weak elaboration of the topic, since most researchers consider the history of the legal profession since the XIX century. Nevertheless, the author takes into account and analyzes the opinions of Russian researchers of different historical eras: both imperial and modern Russia. Methodologically, the study is based on the history of state and law of Russia and its terminological apparatus. Since students study the history of the emergence and development of various legal institutions as a part of the course, this article, according to the author, can be useful for an in-depth study of the history of advocacy.*

Keywords: *state; law; legislation; jurisprudence; history; institute of representation; advocacy; attorneys; solicitors; Judicial reform of 1864.*

Когда речь заходит об истории отечественной адвокатуры, многие начинают отсчет ее развития с Судебной реформы 1864 г. Ведь, действительно, термин «адвокат» получает свое развитие в Судебных уставах Александра II. Но можно ли считать, что до его реформ представительство в России никак не развивалось? Что и когда стало началом института представительства и можем ли мы считать первых работников в данной отрасли адвокатами в той мере, в которой считаем их сейчас? Для того чтобы дать ответы на эти вопросы, нужно углубиться в историю государства и права России.

Предшественниками российских адвокатов являлись поверенные и стряпчие, впервые упоминающиеся в Новгородских и Псковских судебных грамотах. Обе группы представителей никакого отношения к праву не имели и не занимали высокого положения, поскольку в обществе сложилось представление о них как о мошенниках¹. К тому же не все категории населения могли пользоваться услугами поверенных: только женщины, малолетние, представители церкви, глухие и прочие, «за которых разрешается выступать на суде пособнику»². Поверенными могли являться в первую очередь родственники нуждающихся в них людей. В случае, если родственники не

¹ См.: Исаев И. А., Салтыкова С. А. История государства и права России : учебник. М. : Норма, 2022. Т. 1 : Формирование и развитие отечественного государства и права в IX–XVII вв.

² Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю. П. Титов. М. : Проспект, 2005. С. 33.

могли исполнить обязанности поверенного, им мог стать любой житель, с единственным исключением, что он не должен был состоять на государственной службе.

По мере развития законодательства происходило и развитие полномочий поверенных. В частности, Судебник 1550 г. устанавливает правила проведения поединка, в котором поверенные и должны принимать участие (ст. 15). В Соборном уложении 1649 г. происходит установление института поверенных — законодатель дает возможность найма поверенных за плату³. При этом дальнейшее расширение института поверенных как рода деятельности не происходит. С появлением в судопроизводстве гражданского и уголовного процесса роль поверенных изменилась: в уголовных делах, расследуемых «сыском», они могли осуществлять «руководство под записками» в делах, которые не имели особой важности и, как правило, решались в одной инстанции. В гражданском разбирательстве поверенные занимались составлением нужным суду бумаг, представлении доказательств. Также представители должны были присутствовать при докладе самого дела.

Сам термин «адвокат» впервые использовался именно в «Воинских артикулах» Петра I. Одна из глав Артикулов имела название «Об адвокатах и полномочных», что говорит о попытке систематизировать и регламентировать деятельность представителей. Основываясь на польской Конституции 1726 г. и Литовском статуте, в западных губерниях при судах всех уровней — главных и низших, светских и духовных — действовали адвокаты (некоторые исследователи называют данное явление Адвокатурой Западного края).

Требования к представителю были следующие:

- адвокат должен быть природным дворянином;
- иметь поместье;
- не быть замеченным ни в каком пороке;
- знать законы;
- выполнять данную присягу.

Такой вид представительства просуществовал достаточно долго — до 1840 г. Однако отношение к адвокатуре у самой власти было далеко не положительным: государственные деятели критиковали данный вид судебной защиты, а императоры не видели необходимости в дальнейшем развитии представительства. В частности, император Петр I считал, что они «своими непотребными, поставными приводами судью более утруждают и дело к вящему пространству, нежели к свокорому окончанию», реформатор не видел целесообразности в их действиях и считал их «ябедами». Последнее «прозвище» закрепилось за представителями и в дальнейшем.

Адвокатуру считали посылкой к свободе общества, чего опасались русские императоры, уже умудренные опытом Французской революции 1789 г. Во многом это обуславливалось тем, что в России до сих пор не был развит в полной мере институт адвокатуры и представительство могло осуществляться только по западно-европейскому образцу. Также ситуация ухудшалась отсутствием единого сборника законов, который регламентировал бы деятельность и судей, и поверенных единым стандартом. Например, к концу правления Екатерины II насчитывалось более 10 тыс. нормативных правовых актов, так или иначе регулирующих отечественное судопроизводство⁴. Естественно, при отправлении правосудия невозможно было опираться на все указы и распоряжения правителей, и каждый судья по-своему решал возникший спор.

Первый шаг на пути к развитию, а не к сокращению адвокатуры сделал, по моему мнению, император Александр I. В 1820 г. Совет комиссии по составлению законов представил первый проект по организации института представительства. Законодатель впервые обратил внимание на причины стагнации в данной области: звание стряпчего не должно иметь отрицательного окраса, а сама деятельность должна быть

³ Родионова А. А. Эволюция адвокатуры как вида юридической деятельности с Древней Руси до реформы 1864 г. Краткий анализ // Символ науки. 2021. № 4. С. 103–105.

⁴ Гитенко А. М. Судебная система Российской империи во второй половине XVIII века // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 52.

поощряемой — тогда желающих заниматься представительством будет больше, а сам институт получит развитие. Был четко очерчен круг обязанностей стряпчих: — в своей деятельности представители должны были придерживаться установленного порядка судопроизводства — соблюдать все установленные законодателем сроки, придерживаться определенного порядка подачи жалоб и исков, придерживаться установленных форм подачи заявлений; — запрещено было руководствоваться личными чувствами, придерживаться личной выгоды. Работа стряпчего должна быть рассудительна и разумна; — поручения от доверителя должны были исполняться в соответствии с точным его указанием, поверенный не мог позволить себе своеволия.

Но в декабре 1825 г. работа над дальнейшим развитием проекта прервалась. Обеспокоенный восстанием декабристов (14 декабря 1825 г.), содержащим отголоски Французской революции, Николай I резко осудил идею улучшения состояния отечественного представительства: «Адвокаты погубили Францию. Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие? Нет, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты; проживет и без них»⁵. Многие историки не воспринимают данный документ как важный шаг к развитию адвокатуры. Проект не оказал существенного влияния на систему. В частности, русский адвокат Е. В. Васьковский считал, что «история нашей дореформенной адвокатуры — в сущности, история ябедничества»⁶.

Нужно упомянуть о еще одном виде представительства — юрисконсультах. До реформы 1864 г. юрисконсультами считались лица, занимавшиеся частной адвокатской практикой. При этом термин имел двойственное значение. В 1858 г. законодатель закрепил иной род деятельности: юрисконсульты занимались попечением прав собственных императорских заводов. Они получали соответствующее жалование, не были ограничены в числе опекаемых ими заводов. Юрисконсульт должен был рассматривать споры, возникавшие в рамках заводского производства, сопровождать и наблюдать за рассмотрением исков и вопросов, касавшихся закрепленных за ним заводов. Помимо этого, юрисконсульты должны были способствовать защите деятельности заводов от всякого чужого вмешательства.

Осложнялось развитие адвокатуры и слишком большим социальным расслоением. Так как институт стряпчих носил сословный характер, было практически невозможным обеспечение должного уровня защиты в суде и других учреждениях для всех уровней населения. Крестьянская реформа 1861 г. породила новые сословные группы, которые также нуждались в правозащитничестве.

С течением времени общество развивалось, появлялись новые экономические и социальные отношения, которые требовали законодательного закрепления. Вместе с этим и проблема неразвитого института адвокатуры обострялась все сильнее: грядущая судебная реформа, несущая цель улучшить осуществляемое судьями правосудие, должна была решить и вопрос судебной защиты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васьковский Е. В.* Организация адвокатуры : в 2 ч. Ч. 1. — СПб. : Типография Н. К. Мартынова, 1893. — 396 с.
2. *Гитенко А. М.* Судебная система Российской империи во второй половине XVIII века // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 17. — С. 52–64.
3. *Исаев И. А., Салтыкова С. А.* История государства и права России : учебник. Т. 1 : Формирование и развитие отечественного государства и права в IX–XVII вв. — М. : Норма, 2022. — 484 с.

⁵ *Смирнов В. Н., Смыкалин А. С.* Адвокатура и адвокатская деятельность : учебное пособие. М.; Екатеринбург : Проспект; Уральская государственная юридическая академия, 2014. С. 11.

⁶ *Васьковский Е. В.* Организация адвокатуры : в 2 ч. СПб. : Типография Н. К. Мартынова, 1893. Ч. 1. С. 151.

4. Родионова А. А. Эволюция адвокатуры как вида юридической деятельности с Древней Руси до реформы 1864 г. Краткий анализ // Символ науки. — 2021. — № 4. — С. 103–105.
5. Смирнов В. Н., Смыкалин А. С. Адвокатура и адвокатская деятельность : учебное пособие. М.; Екатеринбург : Проспект; Уральская государственная юридическая академия, 2014. — 312 с.
6. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю. П. Титов. — М. : Проспект, 2005. — 463 с.

REFERENCES

1. Vaskovsky EV. Organizatsiya advokatury : v 2 ch. [Organization of advocacy : in 2 parts]. Part 1. St. Petersburg: Martynov Publishing House; 1893 (In Russ.).
2. Gitenko AM. Sudebnaya sistema rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XVIII veka [The judicial system of the Russian Empire in the second half of the XVIII century]. *Voprosy rossijskoj justitsii*. 2022;17:52-64 (In Russ.).
3. Isaev IA, Saltykova SA. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik. T. 1 : Formirovanie i razvitie otechestvennogo gosudarstva i prava v IX–XVII vv. [History of the state and law of Russia: textbook. Vol. 1: Formation and development of the national state and law in the 9th–17th centuries. Moscow: Norma Publ.; 2022 (In Russ.).
4. Rodionova AA. Evolyutsiya advokatury kak vida yuridicheskoy deyatel'nosti s Drevney Rusi do reformy 1864 g. [The evolution of the bar as a type of legal activity from Ancient Russia to the reform of 1864 Brief analysis]. *Simvol nauki*. 2021;4:103-105 (In Russ.).
5. Smirnov VN, Smykalin AS. Advokatura i advokatskaya deyatel'nost : uchebnoe posobie [The Bar and advocacy: a textbook]. Moscow; Yekaterinburg: Prospekt; Ural State Law Academy Publ.; 2014 (In Russ.).
6. Titov YuP, editor. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii : uchebnoe posobie [Reader on the history of the state and law of Russia]. Moscow: Prospekt Publ.; 2005 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.024-029

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II И АЛЕКСАНДРЕ III

Шамсумова Эмма Файсаловна, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент
620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54
emmanuel@mail.ru

Янчурина Аделя Азаматовна, студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54
yanchurinadelya@mail.ru

Федоров Сергей Максимович, студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54
s10f102002@gmail.com

© Шамсумова Э. Ф., Янчурина А. А., Федоров С. М., 2022

Аннотация. В статье представлены основные направления в области законодательного урегулирования сферы образования в периоды правления Александра II и Александра III. Авторы подчеркивают важность процесса образования как средства передачи подтвержденных наукой и устоявшихся знаний и источника норм и ценностей последующих поколений, формирующих собой опору государства. Авторы анализируют основные нормативные правовые акты данных периодов, позволяющие понять главные принципы и идеи, на которых формировалась государственная политика в сфере образования практически всю вторую половину XIX в. В число нормативных правовых актов, проанализированных в данной статье, входят Университетский устав от 18 июня 1863 г., Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г., Устав гимназий и прогимназий от 19 ноября 1864 г., циркуляр министра народного просвещения «О сокращении гимназического образования» от 5 июня 1887 г. На основании данных актов формулируются основные направления политики в сфере образования двух императоров. Демонстрируется противоречивость политики двух императоров в отношении регулирования автономии образовательных учреждений и последовательность нормирования сферы образования по пути борьбы с революционными настроениями и формированием террористических организаций. Авторы сравнивают правовое регулирование в сфере образования в период царствования Александра II и Александра III с современной российской действительностью. Проводятся параллели между государственной политикой этих времен, на основании чего делается вывод о преемственности и неизменности целей государственной деятельности по обеспечению территориальной целостности и противодействию экстремистским и сепаратистским силам.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; образование; сословие; крестьянство; реформа; реформа образования; университет; Российская империя.

EDUCATION LEGISLATION DEVELOPMENT UNDER ALEXANDER II AND ALEXANDER III

Emma F. Shamsumova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d. 54, Yekaterinburg, Russia, 620034
emmanuel@mail.ru

Adela A. Yanchurina, Undergraduate Student, Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d. 54, Yekaterinburg, Russia, 620034
yanchurinadelya@mail.ru

Sergey M. Fedorov, Undergraduate Student, Yakovlev Ural State Law University
ul. Kolmogorova, d. 54, Yekaterinburg, Russia, 620034
s10f102002@gmail.com

Abstract. The article presents the main directions in the field of legislative regulation of the sphere of education during the reign of Alexander II and Alexander III. The authors emphasize the importance of the education process as a means of transmitting scientifically proven and well-established knowledge and a source of norms and values of the next generations that form the backbone of the state. The authors analyze the main normative legal acts of these periods, which make it possible to understand the main principles and ideas on which the state policy in the field of education was formed for almost the entire second half of the 19th century. The normative legal acts analyzed in this article include the University Charter of 18 June 1863, the Regulation on Primary Public Schools of 14 July 1864, the Charter of gymnasiums and progymnasiums of 19 November 1864, the circular of the Minister of Public Education "On the reduction of gymnasium education" of 5 June 1887. On the basis of these acts, the main directions of the policy in the field of education of the two emperors are formulated. The study shows inconsistency of the policy of the two emperors regarding the regulation of the autonomy of educational institutions and the sequence of rationing of the education sector along the way of combating revolutionary sentiments and the formation of terrorist organizations. The authors compare the legal regulation in the field of education during the reigns of Alexander II and Alexander III with modern Russian reality. Parallels are drawn between the state policy of these times, on the basis of which it is concluded that the continuity and immutability of the goals of state activity to ensure territorial integrity and counter extremist and separatist forces.

Keywords: state; law; legislation; education; estate; peasantry; reform; education reform; university; Russian Empire.

В настоящее время образование играет огромную роль в жизни общества. Благодаря ему люди не только получают базовые знания, развивая свой кругозор, но и формируются как личности с развитым современным мышлением¹. Такое положение образования в жизни общества характерно не только для современности, но и для всей истории человечества. Правители понимали, что для развития государства и достижения его господствующего положения на мировой

¹ Филиппова И. А., Сучков С. Н. Роль и значение образования в современном обществе // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. № 3. С. 5.

арене необходимо наличие людей, обладающих необходимыми знаниями, которые и составляют опору и ресурс государства. Вследствие чего для любого правительства политика в области образования является основным направлением деятельности, потому что важно контролировать, какие знания и какие идеи и ценности для формирования личности прививаются людям.

Для России, в частности, начало развития образования можно отнести к оформлению государственности Киевской Руси. Известно, что уже в первой половине XI в. существовала дворцовая школа князя Владимира в Киеве и школа, основанная Ярославом Мудрым в Новгороде в 1030 г. Кроме того, в 1086 г. было открыто первое женское училище в Киеве². Однако в то время князья не занимались полноценным регулированием образования, а лишь учреждали специальные заведения, где людей обучали письму и грамоте, в то время как сам процесс обучения давался на откуп церкви, вследствие чего люди по большей части получали знания, отвечающие интересам церковных верхов. Такой расклад не мог вечно устраивать правителей, следствием чего стали секуляризация образования и создание светских школ. Ключевую роль в данном процессе сыграл Петр I, который ликвидировал монополию духовенства на образование³.

Несмотря на значимость личности Петра I для российского образования, в данной статье хотелось бы уделить внимание вкладу в образование Александра II и Александра III. Данный выбор обусловлен целым рядом причин:

- зачастую многие историки рассматривают их правление совместно из-за разнонаправленности их реформ. Политика Александра II отличается либеральной направленностью преобразований, которые известны как Великие реформы Александра II, в то время как эпоха Александра III отмечена «контрреформами», в ходе которых произошла ревизия данных Великих реформ⁴. Таким образом, сравнение политики этих двух императоров позволяет нам посмотреть на кардинально противоположные нововведения в сфере образования;
- именно во времена правления этих императоров появилась такая организация, как «Народная воля», известная своей террористической деятельностью, которая унесла жизнь Александра II 1 марта 1881 г⁵. Это была одна из первых террористических организаций в России. Также стоит отметить, что, несмотря на ее деятельность, она получала сочувствие и частичное одобрение со стороны интеллигенции. Поэтому важно проследить действия, которые предпринимали политики в сфере образования, чтобы подрастающее поколение было подвержено влиянию ценностей, отвечающих интересам государства, и не способствовало распространению радикальных идей в обществе;
- можно назвать вторую половину XIX в. последним моментом величия Российской империи, за которым следует трагичный XX в. с поражением в Русско-японской войне, первой русской революцией, территориальными потерями в годы Первой мировой войны и в конечном итоге исчезновением Российской империи как государства. Таким образом, в правлении двух выше обозначенных императоров стоит постараться отыскать причины отсутствия новых способных государственных людей, которые могли бы не допустить возникновения подобных ситуаций.

Начало правления Александра II характеризовалось полным крахом и несостоятельностью николаевской системы, вызванными поражением России в Крымской

² См.: Леонтьев А. А. История образования в России от Древней Руси до конца XX века // Русский язык. 2001. № 33–34.

³ См.: Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 19 / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1975. 648 с.

⁴ Горлов М. И., Коваленко П. Ю., Комаров В. П. Политика «контрреформ» Александра III в современных учебниках отечественной истории для высших учебных заведений // История: факты и символы. 2022. № 1. С. 56.

⁵ Кувалдин С. К 140-летию «Народной воли». Почему русские радикалы выбрали террор // Сноб. URL: <https://snob.ru/entry/180051/> (дата обращения: 01.04.2022).

войне с ущемлением ее геополитических интересов⁶. Это было время, когда все ожидали от монарха серьезных перемен во многих сферах жизни общества. В частности, политика в сфере образования строилась на принципе перенимания европейского опыта для модернизации страны при сохранении стабильности государства⁷. Вследствие чего реформы Александра II затронули все ступени образования: начальную, среднюю и высшую. На начальное образование было оказано влияние Положением о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г.: документ установил организационные формы школьной деятельности земств, которые могли через советы влиять на учебную жизнь школы, но также была юридически оформлена подчиненность управления школ Министерству народного просвещения⁸. В среднем же образовании гимназия стала основным типом учебного заведения. На высшее же образование существенное влияние оказывал новый Университетский устав 1863 г., по которому университеты наделялись широкой автономией.

Законодательство в сфере образования при Александре II развивалось по принципу окончательного лишения церкви на монополию начального образования и подчинения всех ступеней образования государству с сохранением независимости самих образовательных учреждений при организации учебного процесса. Однако данная тенденция имела существенный недостаток, ведь учебные заведения того времени, в основном университеты, являлись центрами оппозиционного молодежного движения. Многие учащиеся и выпускники данных образовательных учреждений присоединялись к различным террористическим организациям или сочувствовали им и одобряли их деятельность. Это привело к изложенным выше печальным событиям: успешному покушению на Александра II.

Несмотря на тенденции к формированию демократизации образования, отсутствие государственного контроля за самим процессом получения знаний может привести к формированию у людей системы ценностей, чуждой государству.

Александр III вступил на престол с четким убеждением, что его отец (Александр II) поторопился с реформами, что радикальная часть общества никогда не будет довольна изменениями и будет требовать большего и что нужно вернуться назад и подкорректировать свершившиеся изменения⁹. Пересмотр реформ образования включал в себя введение нового Университетского устава 1884 г., который ликвидировал университетскую автономию и зачатки развития женского образования. Кроме того, законодательно регулировал образование циркуляр «О сокращении гимназического образования» от 18 июня 1887 г., который препятствовал поступлению в гимназии детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, а также сократил процент приема еврейских детей¹⁰.

Однако не стоит рассматривать нововведения Александра III исключительно как реакционные. В частности, в Университетском уставе перенимался европейский опыт: разработка разных по уровню сложности учебных планов и предоставление студенту права выбора одного из них, введение конкурсной системы отбора лекторов-профессоров, появление у студентов возможности выбора преподавателя, лекций и практических занятий, которые он хочет посещать, и ввод практики зачета полугодий.

⁶ Федоров В. А. История России 1861–1917 гг. : учебник. М. : Юрайт, 2016. С. 12.

⁷ Овчинников А. В. Социально-политический контекст реформ народного просвещения в годы правления Александра II // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие. СПб. : Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2019. С. 13.

⁸ Хвостова И. А. Начальное образование пореформенной России: законоположения 1864, 1869 и 1874 гг. // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 13. С. 23.

⁹ Мединский В. Александр III. Государь и миротворец // История.рф. URL: <https://histrf.ru/read/articles/aliexsandr-iii-gosudar-i-mirotvoriets-k-175-lietiiu-so-dnia-rozhdeniia-impieratora-vsierossiiskogho-aliexsandra-aliexsandrovicha> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁰ Доклад министра народного просвещения И. Делянова «О сокращении гимназического образования» и «Циркуляр о кухаркиных детях» (1 июля 1887 г.) // Иллюминаты.ru. URL: <http://illuminats.ru/home/28--xvii-xx/3531-education-in-russia> (дата обращения: 01.04.2022).

Несмотря на прогрессивные тенденции в реформах Александра III, по большей части они были направлены на ограничение свободы самоуправления образовательных учреждений с полным их подчинением государству. С одной стороны, данная политика имела положительные черты, так как теперь у правящей власти появилась возможность регулировать ту информацию, которую будут преподносить учащимся, вследствие чего им будут прививаться ценности, направленные на поддержание целостности государства и незыблемости его строя. С другой стороны, от среднего, а следовательно, от высшего образования были отрезаны низшие слои общества, в результате чего они были подвержены маргинализации, что ставило их в крайне бедственное положение. Именно такие люди в поисках быстрого решения своих насущных проблем вступали в различные революционные и радикальные организации: Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), Партия социалистов-революционеров (эсеры) и др.

Подобная потребность в профессионально подготовленных кадрах существовала и до, и после правления Александра II и Александра III в области образования. Оба правителя пытались сформировать круг образованных и патриотично настроенных людей. Однако ни один из них не смог полностью добиться такой цели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горлов М. И., Коваленко П. Ю., Комаров В. П. Политика «контрреформ» Александра III в современных учебниках отечественной истории для высших учебных заведений // История: факты и символы. — 2022. — № 1. — С. 54–60.
2. Доклад министра народного просвещения И. Делянова «О сокращении гимназического образования» и «Циркуляр о кухаркиных детях» (1 июля 1887 г.) // Иллюминаты. ru. — URL: <http://illuminats.ru/home/28-xvii-xx/3531-education-in-russia> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Кувалдин С. К 140-летию «Народной воли». Почему русские радикалы выбрали террор // Сноб. — URL: <https://snob.ru/entry/180051/> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Леонтьев А. А. История образования в России от Древней Руси до конца XX века // Русский язык. — 2001. — № 33–34.
5. Мединский В. Александр III. Государь и миротворец // История.рф. — URL: <https://histrf.ru/read/articles/alieksandr-iii-gosudar-i-mirotvoriets-k-175-lietiiu-so-dnia-rozh-dieniia-impieratora-vsierossiiskogho-alieksandra-alieksandrovicha> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Овчинников А. В. Социально-политический контекст реформ народного просвещения в годы правления Александра II // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие. — СПб. : Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2019. — С. 10–20.
7. Федоров В. А. История России 1861–1917 гг. : учебник. — М. : Юрайт, 2016. — 376 с.
8. Филиппова И. А., Сучков С. Н. Роль и значение образования в современном обществе // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2018. — № 3. — С. 4–5.
9. Хвостова И. А. Начальное образование пореформенной России: законоположения 1864, 1869 и 1874 гг. // Культура. Духовность. Общество. — 2014. — № 13. — С. 20–25.

REFERENCES

1. Gorlov MI, Kovalenko PYu, Komarov VP. Politika «kontrrreform» Aleksandra III v sovremennykh uchebnikakh otechestvennoy istorii dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [The Policy of «Counter-Reforms» of Alexander III In Modern Textbooks of National History for Higher Educational Institutions]. *History: Facts and Symbols*. 2022;1:54-60 (In Russ.).

2. Report of the Minister of Public Education I. Delyanov «On the reduction of gymnasium education» and «Circular on cook's children» (July 1, 1887). Available at: <http://illuminats.ru/home/28--xvii-xx/3531-education-in-russia> (accessed: 01.04.2022) (In Russ.).
3. Kuvaldin S. K 140-letiyu «Narodnoy voli». Pochemu russkie radikaly vybrali terror [To the 140th anniversary of «Narodnaya Volya». Why Russian radicals chose terror]. *Snob*. Available at: <https://snob.ru/entry/180051/> (accessed: 01.04.2022).
4. Leontiev AA. Istoriya obrazovaniya v Rossii ot Drevney Rusi do kontsa XX veka [The history of education in Russia from Ancient Russia to the end of the 20th century]. *Russkij jazyk*. 2001;33 (In Russ.).
5. Medinskiy V. Aleksandr III. Gosudar i mirotvorets [Alexander III. The Sovereign and Peacemaker]. Available at: <https://histrf.ru/read/articles/aleksandr-iii-gosudar-i-mirotvo-riets-k-175-lietiiu-so-dnia-rozhdeniia-impieratora-vsierossiiskogho-aleksandra-aleksan-drovicha> (accessed: 01.04.2022) (In Russ.).
6. Ovchinnikov AV. Sotsialno-politicheskiy kontekst reform narodnogo prosveshcheniya v gody pravleniya Aleksandra II [The socio-political context of the reforms of public education during the reign of Alexander II]. In: The Epoch of Great Reforms: History and Documentary Heritage. St. Petersburg: Yeltsin Presidential Library; 2019 (In Russ.).
7. Fedorov VA. Istoriya Rossii 1861–1917 gg.: uchebnik [The History of Russia 1861–1917: textbook]. Moscow: Yurayt Publ.; 2016 (In Russ.).
8. Filippova IA., Suchkov SN. Rol i znachenie obrazovaniya v sovremennom obshchestve [The role and importance of education in modern society]. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*. 2018;3:4-5 (In Russ.).
9. Khvostova IA. Nachalnoe obrazovanie poreformennoy Rossii: zakonopolozheniya 1864, 1869 i 1874 gg. [Primary education in post-reform Russia: the legal provisions of 1864, 1869 and 1874]. *Culture. Spirituality. Society*. 2014;13:20-25 (In Russ.).

ВЕЩНОЕ ПРАВО ПО ГК РСФСР 1922 г.

Гренов Андрей Дмитриевич, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
andreigr20082003@yandex.ru

© Гренов А. Д., 2022

Аннотация. В статье представлена авторская интерпретация особенностей регулирования вещного права в ГК РСФСР 1922 г. Специфика регулирования вещного права заключалась в переходном характере самого кодекса и в отсутствии достаточной практики и советского нормативно-правового материала. Для регулирования восстановленных рыночных отношений необходимо было «старое», буржуазное право в связи с тем, что оно было предназначено для регулирования подобных отношений. Из-за наличия элементов «старого» права ГК РСФСР 1922 г. советские и российские ученые часто называли данный кодекс «рецепция буржуазного права». Советские ученые-правоведы имели скромный опыт кодификации права. Были созданы не введенные в действие проекты «Кодекса законов об обязательствах, вытекающих из договоров» и «Положения об обязательствах, возникающих из договоров, и о векселях» и один введенный в действие Декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Немаловажным фактором определения причин особенностей регулирования является тот факт, что свод гражданского права создавался в ускоренном темпе, поскольку большевики в период нэпа, когда активно возрождались товарно-денежные отношения, были заинтересованы в скорейшем установлении на правовом уровне механизма регулирования рыночных отношений, для того чтобы сохранить господство государственного сектора в экономике и препятствовать сильному имущественному расслоению, которое способно привести к нарастанию социальной напряженности и стать причиной политической нестабильности в стране. Советская власть установила ряд ограничений для частных физических и юридических лиц и мешала полноценному развитию товарно-денежных отношений, что отразилось непосредственно и в вещном праве. Ускоренная разработка и нехватка опыта привели к наличию больших пробелов в кодексе и, как следствие, невысокому уровню юридической техники. Однако стоит отметить, что в ГК РСФСР 1922 г. присутствуют определенные новеллы и такие нормы, которые свидетельствуют о высоком уровне правовой культуры советских ученых-правоведов и о противоречивости самого свода законов.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; гражданское право; закон; кодекс; вещное право; право собственности; нэп; ГК РСФСР 1922 г.

PROPERTY LAW UNDER THE CIVIL CODE OF THE RSFSR 1922

Andrey D. Grenov, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
andreigr20082003@yandex.ru

Abstract. The article presents the author's interpretation of the peculiarities of property law regulation in the Civil Code of the RSFSR of 1922. The specifics of property law regulation consisted in the transitional nature of the code itself and in the absence of sufficient practice and Soviet regulatory framework. To regulate the restored market relations, the "old", bourgeois law was necessary due to the fact that it was intended to regulate such relations. Due to the elements of the "old" law of the RSFSR Civil Code of 1922, Soviet and Russian researches often called this code "reception of bourgeois law." Soviet legal scholars had humble experience in codifying law. The drafts of the "Code of Laws on Obligations Arising from Contracts" and "Provisions on Obligations Arising from Contracts and Bills of Exchange" and one Decree "On Basic Private Property Rights Recognized by the RSFSR, protected by its Laws and by the Courts of the RSFSR" were not put into effect. An important factor in determining the reasons for the peculiarities of regulation is the fact that the civil law code was created at an accelerated pace, since the Bolsheviks during the NEP period, when commodity-money relations were actively revived, were interested in establishing a mechanism for regulating market relations at the legal level as soon as possible in order to preserve the dominance of the public sector in the economy and prevent a strong property stratification, which can lead to an increase in social tension and cause political instability in the country. The Soviet government imposed a number of restrictions on private individuals and legal entities and prevented the full development of commodity-money relations, which was reflected directly in property law. Accelerated development and lack of experience led to the presence of large changes in the code and, as a consequence, a low level of legal technology. However, it is worth noting that in the Civil Code of the RSFSR of 1922 there are certain novelties and such norms that indicate a high level of legal culture of Soviet legal scholars and the inconsistency of the code of laws itself.

Keywords: state; law; legislation; civil law; law; code; property law; property right; NEP; Civil Code of the RSFSR 1922.

Вещное право в ГК РСФСР 1922 г. представлено довольно противоречивым. С одной стороны, отсутствовали определения малоизвестных терминов среди населения, как отмечала Т. Е. Новицкая, включая даже самого вещного права, что указывало о низком уровне юридической техники, которая была вызвана спешностью в принятии свода законов и отсутствием достаточной практики. С другой стороны, в ГК РСФСР 1922 г. были предусмотрены такие положения, которые говорили о высоком развитии правовой культуры документа¹. Некоторые даже обгоняли гражданское право стран Западной Европы.

В ГК РСФСР 1922 г. было предусмотрено три вида права на вещь, а именно право собственности, право застройки и залог имущества, что отличалось от классического деления на право собственности, право владения и права на чужие вещи. Стоит отметить, они выбраны неслучайно. Указанные виды права на вещь были признаны возможными для социалистического строительства, поэтому их закрепили. Наметились следы переходного права, по мнению П. И. Стручка, о чем говорит отсутствие деления вещного права на средства производства и средства потребления (черта, характерная для социалистического права)². Рассмотрим непосредственно каждый

¹ См.: Курс гражданского права : учебное пособие. М. : Коммунистическая академия, 1927. Ч. 1 : Введение в гражданское право. 232 с.

² Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. М. : Зерцало-М, 2002. С. 70.

вид, указанный в ГК РСФСР 1922 г.³ В нем были предусмотрены три вида собственности: государственная, кооперативная и частная, которые были между собой не равны из-за целей большевиков относительно ограничения возможности для развития рыночных механизмов и защиты непосредственно государственного сектора экономики. Так, имущество частных лиц могло быть реквизировано или конфисковано в соответствии со ст. 69 и 70 ГК РСФСР 1922 г. Государственная собственность обладала иммунитетом. В соответствии со ст. 21, 22 и 53 земля, недра, воды и ряд других объектов изымались из частного оборота и передавались государству⁴.

Право собственности частично было взято из дореволюционного законодательства⁵. В ГК РСФСР 1922 г. прослеживаются положения о виндикационном и негаторном исках. В соответствии со ст. 59 собственник мог извлечь свою вещь из чужого законного владения, доходы, полученные от такого обладания и устранений нарушений права собственника. Стоит отметить, что была предусмотрена защита добросовестного приобретателя: так, опираясь на ст. 60, приобретатель защищался от виндикации при условии того, что вещь приобретенная была не похищена или утрачена у собственника. Это, с одной стороны, подтверждает активную рецепцию буржуазного права, а с другой стороны, говорит о развитости самого ГК РСФСР 1922 г., поскольку в своде гражданского права присутствовали нормы, которые определяли способы защиты прав собственников и их гарантировали посредством нормативного закрепления.

Переход права собственности осуществлялся в соответствии со ст. 66 ГК РСФСР 1922 г. следующим образом: индивидуально-определенные передавались с момента совершения договора, а определенные родовыми признаками — с момента передачи.

Право застройки занимало отдельное место в своде гражданского права. Это было связано с необходимостью стимулирования активного строительства. Россия пережила Первую мировую войну и Гражданскую войну, что породило жилищный кризис, выражавшийся в отсутствии достаточного жилья для всего населения страны. Из этой сложившейся ситуации необходимо было найти выход для обеспечения нормальных условий жизни для трудящегося народа и, как следствие, для пресечения социального напряжения, которое способно было дестабилизировать ситуацию в РСФСР.

Право застройки представляло собой возможность возводить строения на городских и внегородских землях с возможностью ими пользоваться, владеть и распоряжаться в предусмотренный законом срок. Предельный срок застройки — 49 лет для каменных строений и 20 лет для прочих. В действительности права распоряжаться у застройщика не было, в частности, как говорил А. Б. Бабенко, он вправе отчуждать застройки только не возведенные, что в очередной раз показывает стремление большевиков ограничить развитие рыночных отношений.

Важными достоинствами советского права застройки по сравнению с дореволюционным было наличие гарантий осуществления строительства, помимо указания точных сроков строительства. В случае неисполнения обязательств можно было взыскать право застройки и реализовать его на публичных торгах, а при определенных условиях в соответствии со ст. 79 можно было отчуждать указанное право. Это свидетельствовало о качественном шаге вперед по сравнению с дореволюционным законодательством и подчеркивало заинтересованность большевиков в активном строительстве жилых помещений⁶.

Залоговое право довольно подробно проработано в ГК РСФСР 1922 г., что связано с целью государства взять под свой полный контроль заключение крупных сделок и исполнение крупных обязательств, по которым обычно предусматривался залог.

³ Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. С. 1201.

⁴ Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права : учебник. М. : Юрайт, 2020. С. 383.

⁵ Бабенко А. Б. Система вещных прав. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 142.

⁶ Бабенко А. Б. Указ. соч. С. 142.

Залог представлял собой не только право на вещь, но и способ обеспечения исполнения обязательства. Однако стоит отметить, что положение залогодержателя было слабым в связи с исключением из вещного права владения.

ГК РСФСР 1922 г. являлся первым европейским кодексом, который подразумевал наличие ипотеки в общей форме индивидуально-определенных, что было выгодно должникам. Это должно было стимулировать расширение кредита, но из-за слабого урегулирования видов кредита ипотека не заняла своего соответствующего места⁷. Данная особенность, свидетельствующая о развитости свода гражданского права, в очередной раз подтверждает противоречивость в ГК РСФСР 1922 г. При наличии определенных минусов в виде пробелов в праве, искусственных барьеров для частных лиц в гражданско-правовых отношениях, что препятствовало нормальному развитию общественных отношений и экономической сферы страны, вещное право, закрепленное в ГК РСФСР 1922 г., имело важное значение для развития советского гражданского права. Были закреплены и получили свое развитие гарантии защиты прав и интересов собственников, застройщиков и лиц, которые вступили в договорные отношения с застройщиками.

В целом ГК РСФСР 1922 г. является документом России, где вещное право было впервые кодифицированным. В дальнейшем развитие гражданского права, и в том числе вещного, осуществлялось на основе тех норм, которые закреплены в самом кодексе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабенко А. Б.* Система вещных прав. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 408 с.
2. Курс гражданского права : учебное пособие. Ч. 1. Введение в гражданское право. — М. : Издательство Коммунистическая Академия, 1927. — 232 с.
3. *Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю.* История отечественного государства и права : учебник. — М. : Юрайт, 2020. — 561 с.
4. *Новицкая Т. Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. — М. : Зерцало, 2002. — 224 с.
5. *Рузанова В. Д.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: предпосылки принятия и преемственность правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — № 2. — С. 37–42.

REFERENCES

1. Babenko AB. Sistema veshchnykh prav [System of property rights : monograph]. Moscow: Volters Kluwer Publ.; 2006 (In Russ.).
2. Kurs grazhdanskogo prava : uchebnoe posobie. Ch. 1. Vvedenie v grazhdanskoe pravo [The course of civil law : a textbook. Part 1. Introduction to Civil Law]. Moscow: Publishing House of the Communist Academy; 1927 (In Russ.).
3. Lapteva LE, Medvedev VV, Pakhalov MYu. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava : uchebnik [History of the national state and law : textbook]. Moscow: Yurayt Publ.; 2020 (In Russ.).
4. Novitskaya TE. Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 g. [The Civil Code of the RSFSR of 1922]. Moscow: Zertsalo Publ.; 2002 (In Russ.).
5. Ruzanova VD. Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922: predposylki prinyatiya i preemstvennost pravovogo regulirovaniya [Civil Code of the RSFSR of 1922: Background of Acceptance and Continuity of Legal Regulation]. *Juridical Journal of Samara University*. 2016;2:37-42 (In Russ.).

⁷ *Новицкая Т. Е.* Указ. соч. С. 82–83.

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.034-037

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РОЛИ ЦЕРКВИ В ГОСУДАРСТВЕ

Голоскубов Игорь Николаевич, аспирант кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института
127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4
goloskubov@mail.ru

© Голоскубов И. Н., 2022

Аннотация: Статья посвящена изучению и краткому анализу методов, используемых при взаимодействии церкви с государством, а также важности и преимуществу методологического подхода к определению роли церкви в обществе на примере Российской Федерации. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить методы, используемые в современной России при взаимодействии государственного аппарата с религиозными объединениями, выявить их обоснованность и модель такого взаимодействия. В статье указывается, что отношения государства и религиозных объединений в различных формах их проявления возникали с самого начала образования государственности, что бесспорно подтверждается историческими примерами и фактами древних цивилизаций. В статье рассматриваются четыре различные возможные модели построения взаимоотношений государства с религиозными объединениями, в зависимости от положения религиозных структур в государстве, от доминирования таких объединений над государственной властью и до полного подчинения церкви государству. Автор показывает, как модель такого взаимодействия государства с религиозными объединениями отражается на избираемых государством методах. Приводится краткий исторический обзор взаимоотношений между государством и церковью на протяжении истории государственности России от Киевской Руси до современной России настоящего времени. На основании анализа Конституции РФ и Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» автором приводятся аргументы, на основании которых современную Российскую Федерацию можно отнести к странам с определенной моделью взаимодействия с религиозными объединениями из возможных представленных, которая сложилась на протяжении длительного периода церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: государство; общество; религия; церковь; религиозные объединения; право; законодательство; методология; правовые методы; государственные религиозные отношения.

A METHODOLOGICAL APPROACH TO THE ROLE OF THE CHURCH IN THE STATE

Igor N. Goloskubov, Postgraduate Student, Department of Theory of Law and State
Law Disciplines, International Law Institute
ul. Kashenkin lug, d. 4, Moscow, Russia, 127427
goloskubov@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the study and brief analysis of the methods used in the interaction of the church with the state, as well as the importance and advantage of the methodological approach to determining the role of the church in society, taking the Russian Federation as a case study. The purpose of the study is to identify the methods used in modern Russia in the interaction of the state apparatus with religious associations, to identify their validity and the model of such interaction used in the Russian Federation. The article points out that the relations between the state and religious associations in various forms of their manifestation arose from the very beginning of the formation of statehood, which is indisputably confirmed by historical examples and facts of ancient civilizations. The article discusses four different possible models of building relations between the state and religious associations, depending on the position of religious structures in the state, from the dominance of such associations over state power and to the complete subordination of the church to the state. The author shows how the model of such interaction between the state and religious associations is reflected in the methods chosen by the state. The author gives a brief historical overview of the relationship between the state and the church throughout the history of the statehood of Russia from Kievan Rus to modern Russia of the present time. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations", the author presents arguments on the basis of which the modern Russian Federation can be attributed to countries with a certain model of interaction with religious associations from the possible presented, which has developed over a long period of church-state relations.*

Keywords: *state; society; religion; church; religious associations; law; legislation; methodology; legal methods; state religious relations.*

Взаимоотношения церкви и государства складывались на протяжении длительного периода времени, при этом если под словом церковь понимать любые религиозные объединения различной религиозной принадлежности, то такие взаимоотношения появились вместе с государством. Так, общеизвестным фактом является отношение древних египтян к фараону как к наместнику богов на земле, а также почитание в древних цивилизациях священников и храмов¹. Данную тенденцию можно наблюдать в течение длительного отрезка истории, от древних времен вплоть до начала периода Ренессанса, в котором религиозные структуры стали терять тот политический авторитет, которым они обладали². После возникли иные идеи, в которых государство представлялось полностью светским, пыталось вывести религиозные структуры из взаимоотношений с ним. Однако в последнее время чаще всего складывается практика взаимодействия государства и церкви³, при котором государство сохраняет светскость, уважает и не вмешивается во внутренние установления церкви, а последняя, в свою очередь, не претендует на

¹ Религиоведение : учебное пособие / под ред. М. М. Шахнович. СПб. : Питер, 2012. С. 27.

² Локк Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. М. : Соцэкгиз, 1960. Т. 2. С. 175.

³ Багдасарян С. Д. Место церкви в государственно-правовой системе России / Актуальные вопросы развития современного российского публичного права : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2020. С. 19–22.

политическую власть, отказываясь от политической деятельности, и не нарушает законодательство.

Методологический подход играет важную роль в формировании научного знания, его обоснования, а также в выработке новых идей и принципов для разрешения конкретных проблем, возникающих в той или иной сфере. Методологический подход, включая в себя использование и применение различных методов, может дать максимально полный и обоснованный вывод, необходимый для оценки складывающихся отношений в социуме, помогает обозначить, зафиксировать и сформулировать конкретику таких отношений, а также показывает их проблемные стороны.

В каждом государстве отношения с религиозными объединениями складываются различным образом. Прежде всего такая разность обоснована тем, что методы, используемые государством как высшей формой общественного устройства, базируются и определяются самим обществом, его развитием и господствующим в нем мировоззрением. Несомненно, и само государство может формировать это мировоззрение, однако все это происходит в рамках социальной культуры и складывающихся правил поведения. Во многом такие отношения зависят от имеющегося исторического опыта, общественного настроения и мнения по этому поводу.

Если говорить о роли церкви в государстве с позиции методологического подхода, то следует обратиться к представленному В. В. Пьянковым делению взаимоотношений церкви и государства на четыре модели, как наиболее полному и объективному. Так, четырехтаксонное деление взаимоотношений религии и государства представлено в следующих формах:

- полное слияние или теократия;
- наличие государственной церкви;
- частичное отделение церкви от государства;
- полное отделение церкви от государства.

В Российской Федерации отношения между государством и религиозными объединениями имеют исторический путь длиной в более чем тысячу лет, начиная от становления государственности в Киевской Руси. В различные периоды истории со сменой государственного строя менялась и модель взаимодействия власти и государства. Так, изначально при доминировании в различном виде язычества иные верования, такие как христианство, ислам или иудаизм, были чужды, а из-за военных столкновений порой даже враждебны. Однако с крещением Руси место язычества постепенно заняло христианство в виде православия, при этом уже в Царской Руси церковь имела большое политическое влияние. В Российской империи деятельность православной церкви регулировалась государственными органами власти, при этом уже стала появляться некая свобода у других вероучений, хотя и в очень ограниченном количестве. Советский период в целом охарактеризовал себя как антирелигиозный, где религиозные объединения лишались прав, а религиозные убеждения в партии далеко не приветствовались, хотя в различное время эта политика и смягчалась. Отдельно стоит выделить период перестройки, когда так или иначе наступила свобода убеждений, в том числе и религиозная свобода, что и послужило формированию в уже современной России модели, которая будет рассмотрена ниже⁴.

В соответствии с приведенной классификацией современную Россию можно отнести к модели с частичным отделением церкви от государства: ст. 14 Конституции РФ признает светскость государства. Однако при этом в ст. 67.1 говорится о сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. Также и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3) декларирует свободу совести и вероисповедания и отсутствие государственной религии, также отделение церкви от государства, но в преамбуле декларирует особое место конкретной конфессии.

Церковь, учитывая сложившуюся модель в Российской Федерации, выступает в государстве как, во-первых, религиозный институт, направленный на удовлетворение

⁴ Стецкевич М. С. Свобода совести. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 69.

духовных потребностей общества, а во-вторых, как сильнейший инструмент влияния на социум⁵, так как религиозные служители пользуются авторитетом среди своих последователей, а также как институт социальной поддержки нуждающимся, так как дела милосердия осуществлялись церковью с самого ее зарождения в I в. н. э. Соответственно, государство зачастую видит поддержку в религиозных объединениях, в связи с чем может обращаться к ним за помощью, для чего проводятся различные мероприятия при государственных органах. Это объясняет и политику, которую ведет государство по построению положительных взаимоотношений с религиозными организациями, вводя различные меры поддержки для них, такие как налоговые льготы, субсидии как социально ориентированным организациям и так далее.

В таком взаимодействии важное место занимает и методологический подход, который помогает определить сами способы для такого взаимодействия, при этом используются как политические методы взаимодействия, так и научные. Среди методов активно используются: исторический метод, позволяющий оценить имеющийся опыт и не допустить повторения ранних ошибок, метод моделирования, который позволяет выстраивать доводы и предполагать развитие ситуации при том или ином регулировании таких отношений, также общенаучные методы анализа и синтеза — при обработке всей имеющейся информации о религиозных объединениях и их взаимоотношениях в государстве и дифференциации религиозных организаций среди иных юридических лиц, а также иные методы, необходимые для проведения взвешенной и последовательной политики в сфере религиозных объединений.

Методологический подход занимает важное место, как для определения самой роли церкви в государстве, так и для выстраивания правильных отношений, которые будут благотворно влиять на развитие общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Багдасарян С. Д. Место церкви в государственно-правовой системе России / Актуальные вопросы развития современного российского публичного права : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Ростов н/Д, 2020. — С. 19–22.
2. Багдасарян С. Д. Понятие «бог» в юридико-антропологическом анализе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5 (81). — С. 213–218.
3. Локк Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. Т. 2. — М. : Соцэкгиз, 1960. — 532 с.
4. Религиоведение : учебное пособие / под ред. М. М. Шахнович. — СПб. : Питер, 2012. — 448 с.
5. Стецкевич М. С. Свобода совести. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 299 с.

REFERENCES

1. Bagdasaryan SD. mesto tserkvi v gosudarstvenno-pravovoy sisteme rossii [The place of the Church in the state and law system of Russia]. Topical issues of the development of modern Russian public law: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don; 2020 (In Russ.).
2. Bagdasaryan SD. Ponyatie «bog» v yuridiko-antropologicheskom analize [The Concept of “God” in Legal Anthropological Analysis]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;5(81):213-218 (In Russ.).
3. Locke J. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya : v 2 t. [Selected philosophical works : in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1960 (In Russ.).
4. Shakhnovich MM, editor. Religiovedenie : uchebnoe posobie [Religious studies : a textbook]. St. Petersburg: Piter Publ.; 2012 (In Russ.).
5. Stetskevich MS. Svoboda sovesti [Freedom of conscience]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2006 (In Russ.).

⁵ Багдасарян С. Д. Понятие «бог» в юридико-антропологическом анализе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 213–218.

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.038-045

ПРАВО ТОРГОВОГО ОБОРОТА В УЗБЕКСКИХ ХАНСТВАХ

Лунев Юрий Федорович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С. Ю. Витте
115432, Россия, г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1
lunev@inbox.ru

© Лунев Ю. Ф., 2022.

Аннотация. В статье рассматриваются нормы шариата по заключению сделок в сфере торгового оборота, применявшиеся в узбекских ханствах в XVI–XIX вв. Автор раскрывает положения о субъекте и объекте права, предмете договора, условиях и способах заключения, расторжения и обеспечения договора, обязательствах, вытекающих из условий договора. Ислам, как известно, весьма благосклонно относился к торговле и одной из основных своих задач видел в обеспечении интересов частной собственности и торгового оборота. В пяти задачах ислама — охраны религии, жизни, разума, рода и имущества — охрана частной собственности занимает, по существу, центральное место. Шариат этому торговому договору уделяет особое внимание, и мусульманские правоведы включают в главу о торговле все основные положения о договорах и обязательствах вообще. Учение о вещных правах было мало разработано в мусульманском праве, зато весьма детально было разработано учение об обязательственном праве. Шариат знает подробно разработанную классификацию обязательств, деление обязательств по основанию их возникновения на обязательства, вытекающие из закона или из фактического положения, и обязательства, вытекающие из договоров, а также деление обязательств на односторонние и двусторонние, не обусловленные и обусловленные, солидарные и не солидарные, простые и альтернативные, делимые и неделимые. Автор анализирует виды сделок, предусмотренные шариатом и получившие наибольшее распространение и правоприменение в узбекских ханствах в XVI–XIX вв. Выделяются условия, при которых на сделки мог быть наложен запрет или при которых сделки могли быть признаны недействительными. Все сделки, согласно основополагающим принципам шариата, должны были совершаться на основе доброго волеизъявления, законности и согласия сторон.

Ключевые слова: шариат; гражданское право; торговля; обязательственное право; договор; договор купли-продажи; залог поручительства; дарение; наем; узбекские ханства.

TRADE TURNOVER LAW IN THE UZBEK KHANATES

Yuriy F. Lunev, Postgraduate Student, Department of Theory and History of the State and Law, Witte Moscow University
2-y Kozhukhovskiy proezd, d. 12, str. 1, Russia, Moscow, 115432
lunev@inbox.ru

Abstract. The article deals with the Sharia norms regulating transactions in the sphere of trade turnover applied in the Uzbek khanates in the 16th–19th centuries. The author

reveals the provisions on the subject and object of law, the subject of the contract, conditions and methods of conclusion, termination and enforcement of contracts, obligations arising from the terms of the contract. Islam, as you know, was very supportive of trade and saw one of its main tasks in ensuring the interests of private property and trade turnover. The five tasks of Islam — the protection of religion, life, reason, race and property — the protection of private property occupies, in fact, a central place. Sharia therefore pays special attention to the trade agreement, and Muslim lawyers include in the chapter on trade all the main provisions on contracts and obligations in general. The doctrine of property rights was not developed in Muslim law, but the doctrine of the law of obligations was developed in great detail. Sharia has the detailed classification of obligations, the division of obligations on the basis of their emergence into obligations arising from the law or from the actual situation and obligations arising from contracts, as well as the division of obligations into unilateral and bilateral, non-conditional and conditional, solidary and non-solidary, simple and alternative, divisible and indivisible. The author analyzes the types of transactions provided for by Sharia that were the most widespread and had the best law enforcement in the Uzbek khanates in the 116th–19th centuries. The author highlights conditions under which a ban could be imposed on transactions or under which transactions could be invalidated. All transactions, according to the fundamental principles of Sharia, had to be made on the basis of good will, legality and consent of the parties.

Keywords: Sharia; civil law; trade; law of obligations; contract; contract of sale; pledge surety; donation; hiring; Uzbek khanates.

Торгово-рыночные отношения, которые получили в городах узбекских ханств всестороннее развитие и играли столь значительную роль в жизни Средней Азии, требовали соответствующей правовой регламентации и этим требованиям вполне отвечало шариатское право¹. Интересам развития товарооборота служили прежде всего постановления шариата о субъекте права, о правоспособности и дееспособности. По шариату все свободные мусульмане пользовались полной гражданской правоспособностью. Даже раб, если он имел от своего господина разрешение заниматься торговлей или другими промыслами, мог заключать гражданско-правовые сделки. Не обладали дееспособностью и не могли самостоятельно заключать сделки: несовершеннолетние, б) умалишенные, в) объявленные казием банкротами, г) лица, находящиеся в состоянии опьянения. Что касается не мусульман (неверных), то они обладали ограниченной правоспособностью и не могли совершать некоторые юридические действия. Больные были ограничены в праве распоряжаться своим имуществом: они могли распоряжаться не более, чем одной третью своего имущества². Это, очевидно, имело в виду защиту интересов наследников. Субъект права трактовался весьма широко, что соответствовало интересам развитого торгового оборота. Проблема объекта права также ставится в шариате, исходя из потребностей товарооборота. Предметом частной собственности может быть, по шариату, все, что возможно передать путем продажи, дарения, мены, завещания и наследства, исключая предметы нечистые или нажитые нечестным путем³. Объектом гражданско-правовой сделки в соответствии с этим в практике торгового оборота в среднеазиатских городах могла служить, по торговым обычаям, любая такая частная собственность, которая могла быть осмотрена, измерена или

¹ Торнау Н. Е. Особенности мусульманского права. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1892. С. 64.

² Берг Л. Основные начала мусульманского права, согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. СПб. : Тип. Г. Шахт и Ко, 1882. С. 52–55.

³ Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края. Неофиц. изд. Ташкент: Тип. при Канц. Туркестан. Генерал-губернатора, 1909. 126 с. ; Остроумов Н. П. Исламоведение. 4. Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы. Ташкент: Изд. Сырдарьинского обл. стат. ком. при канц. Турк. Г. Губернатора, 1912. С. 70.

пересчитана и которая способна принести покупателю какие-либо выгоды (имеет потребительскую ценность)⁴.

Объектом права могли быть, по шариату, как вещи, так и действия. Вещи делились на а) движимые и недвижимые, б) заменяемые и незаменяемые, в) главные и принадлежностные, г) специфицированные и неспецифицированные. Действия как объект права делились на запрещенные, неодобряемые и дозволенные. В зависимости от объекта оценивалась и степень законности и твердости всякой гражданско-правовой сделки⁵.

В основе договорного обязательства, по шариату, лежит свободное волеизъявление. Для действительности договора требовалось соблюдение трех условий: а) наличие двух сторон, б) законность предмета договора и в) добровольность согласия⁶. Наиболее детально разработанным договором был договор купли-продажи. Купля-продажа (бай-у-бат или бай-у-широ) определяется шариатом как обмен собственности на собственность с обоюдного согласия обменивающихся сторон. Договор купли-продажи относится к числу консенсуальных договоров, заключаемых путем «заявления и согласия». Моментом перехода права собственности является момент передачи вещи. Купля-продажа может быть совершена в кредит.

В городах среднеазиатских ханств значительная часть сделок совершалась в кредит, причем в большинстве случаев не писалось никаких расписок, ни других каких-либо документов; сделки совершались на словах, но обязательно при свидетелях⁷. Предпочтение свидетелям перед документами объяснялось особой доказательной силой, придаваемой свидетельским показаниям шариатом согласно изречению Корана: «если будут между вами какие-либо торговые обороты, то на вас не будет вины, если вы не будете давать расписок в них; поставьте свидетелей, когда делаете условие между собою»⁸. Любопытно, что по существовавшему в Средней Азии в ханский период обычаю, при заключении долговых обязательств расписка давалась не должником кредитору, а наоборот, кредитором должнику. В такой расписке писалось, что такой-то должен мне столько-то. В руках должника расписка служила ему в обеспечение того, что с него не будет взыскано больше того, что он должен⁹. Особенно подробно были разработаны нормы, касающиеся содержания договора купли-продажи. Как нормы шариата, так и торговые обычаи были направлены на обеспечение нормального торгового оборота, в особенности меновой торговли, которая применялась главным образом в товарообороте между оседлым и кочевым хозяйством.

Как объектом любой гражданско-правовой сделки, так и предметом купли-продажи могло быть только то, что подлежит точному определению, как по качеству, так и по количеству. Далее предметом купли-продажи могли быть только такие предметы, из которых покупатель мог извлечь какую-либо пользу¹⁰. В основу договора купли-продажи мусульманское законоведение ставило принцип эквивалентности (бай)¹¹. Договор, основанный на неэквивалентном обмене, считался кабальным ростовщическим. Ростовщичество («лихва») признавалось всегда, когда при заключении договора купли-продажи имелось налицо различие в количестве, происшедшее от неравного обмена¹².

Предметом купли-продажи, наконец, могла быть только вещь, принадлежащая продавцу на праве собственности. Поэтому предметом сделки не могла быть ни

⁴ Наливкин В. П., Наливкина М. В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань : Типография императорского университета, 1886. С. 35.

⁵ Торнау Н. Е. Указ. соч. С. 64.

⁶ Берг Л. Указ. соч. С. 57.

⁷ Наливкин В. П., Наливкина М. В. Указ. соч. С. 35.

⁸ См.: Коран. М. : Умма, 2003. 687 с.

⁹ Наливкин В. П., Наливкина М. В. Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Берг Л. Указ. соч. С. 61.

¹¹ Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1940. Ч. I. С. 134.

¹² Нофаль И. Курс мусульманского права: о собственности. СПб. : Воен.-учеб. ком. Глав. штаба, 1886. С. 76.

трава, растущая на собственной земле, ни рыба, еще не пойманная, ни птица, летящая в воздухе, как имущество, никому, в частности, не принадлежащее¹³. Хидая признает ничтожной сделку продажи подати, крови или свободного человека.

Особое значение имели постановления, ставившие своей задачей обеспечить покупателя от заблуждения относительно качества товара¹⁴. Одним из основных условий всякой сделки, как уже указывалось, было добровольное согласие — добрая воля. Это условие могло быть нарушено: а) обманом, б) ошибкой, в) принуждением¹⁵. Если покупатель ошибался в отношении качества товара или если в проданном товаре впоследствии оказались недостатки, то покупатель вправе был расторгнуть сделку и возвратить купленную вещь или товар продавцу¹⁶. Это право отпадало в том случае, если покупатель при открытии недостатка немедленно не сообщит об этом продавцу или казию.

В тех же интересах шариат устанавливал, что продаваемый товар во время совершения сделки, как правило, должен быть налицо. Во время совершения сделки купли-продажи рекомендовалось избегать такой обстановки, при которой один из контролеров мог находиться в неведении относительно существующих цен на данный товар. Поэтому в среднеазиатских городах сделки купли-продажи на дому совершались крайне редко, а обычно все торговые операции совершались публично на базарах, в лавках и караван-сараях и обязательно при свидетелях, обычно трех, чтобы они видели, как один купец платит, а другой получает (на базарах существовали даже профессионалы-свидетели, которые получали за это определенную плату от обоих контрагентов). По тем же соображениям торговля на базаре разрешалась от рассвета только до вечерних сумерек (до заката солнца)¹⁷.

Широкое применение имел в сделках купли-продажи в среднеазиатских городах в ханский период известный мусульманскому праву институт «свободного выбора условий» (арабский термин — хаяру-ш-шарт). «Свободный выбор», по шариату, имеет место тогда, когда один из участников сделки купли-продажи выговаривает, в виде особого условия, право расторгнуть сделку в продолжение определенного срока после ее заключения, по своему усмотрению. Право «свободного выбора» признавалось в отдельных случаях также и без предварительной оговорки его при заключении самой сделки («свободный выбор» по закону). Так, покупатель имел законное право выбора в случае покупки не осмотренной им вещи. От такого «права выбора» нельзя было даже отказаться, и внесение такого отказа в сделку купли-продажи признавалось недействительным. Точно так же «право выбора», в случае наличия недостатков в купленной вещи, основывалось на законе и не требовало предварительной оговорки, но этот «выбор» мог быть исключен по специальному условию, однако только в отношении тех недостатков, которые были известны самому продавцу. «Свободный выбор» являлся специфическим институтом мусульманского договорного права. К числу особенностей договора купли-продажи, по шариату, относится также и право преимущественной покупки — «право соседства» (шифат). Право преимущественной покупки касалось только недвижимости и заключалось в праве предпочтительно перед всяким другим покупателем претендовать на приобретение на одинаковых условиях недвижимого имущества, в котором данное лицо заинтересовано в качестве собственника или имеющего сервитутное на это имущество право, или в качестве ближайшего соседа¹⁸.

В случае продажи чужой вещи собственник имел право виндикации, но мог также потребовать взамен вещи уплаты ее стоимости. Шариат не признавал давности;

¹³ Наливкин В. П. Конспект лекций по истории ислама и по мусульманскому праву, читанных в 1906–1907 гг. Ташкент, 1908. С. 49.

¹⁴ Прохорова В. М. Понятный подстрочник к Корану. М. : Рипол классик, 2017. С. 259.

¹⁵ Берг Л. Указ. соч. С. 59.

¹⁶ См.: Ибн Хаджар Аль Аскаляни. Булуг аль-Марам. Достижение цели в уяснении священных текстов, на которые опирается мусульманское право. М. : Умма, 2003. 376 с.

¹⁷ Наливкин В. П., Наливкина М. В. Указ. соч. С. 35.

¹⁸ См.: Ибн Хаджар Аль Аскаляни. Указ. соч.

никакая давность не покрывала неправильного владения чужим имуществом. В этой особенности мусульманского права проявлялись максимальная охрана частной собственности, на ранних этапах развития, когда эта охрана осуществлялась в наиболее примитивных формах.

Как уже указывалось, в ханский период большое распространение имела меновая торговля. Шариат трактовал договор мены (мудобия) как разновидность договора купли-продажи, но подчинял его ряду специальных условий. Эти условия опять-таки должны были обеспечить полную эквивалентность обмена: мена допускалась только как безвозмездная сделка. Поэтому шариат признавал существенно необходимым при обмене товара на товар или денег на деньги, чтобы обе стороны совершали поставку одновременно. При обмене товара одного и того же рода обмен должен производиться в одинаковых количествах. Поэтому не может быть законно обмениваемое какое-либо зерно на такое же зерно по примерному обмеру — такая сделка признавалась шариатом ростовщической.

В качестве разновидностей договора купли-продажи шариат рассматривает и договор поставки (саям). По определению Хидая, это договор продажи, обязывающий к немедленной уплате цены и допускающий отсрочку в передаче товара. Договор поставки признавался действительным лишь в отношении тех предметов, которые могут быть обозначены родовыми признаками и определены счетом или мерой¹⁹.

В практике торгового оборота в среднеазиатских узбекских ханствах чаще всего известны были три вида купли-продажи. Различались обычная купля-продажа (байкаты), сделка купли-продажи на срок (бай-джаиз), которая могла быть нарушена по желанию сторон, при условии возврата стоимости купленного; купля-продажа (бай-фасид) с условием, что проданное имущество может быть взято обратно за ту же цену, причем это условие действительно до тех пор, пока имущество не будет видоизменено, например переработано или перепродано третьему лицу. Значительный интерес представляет применение в практике торгового оборота в узбекских ханствах договора ссуды (орийат) и договора займа (кард). Оба договора, согласно шариату, должны были быть безвозмездными. Шариат не допускал «лихвы», какого бы то ни было роста, всякого взимания процента. Ссуда как временная уступка права пользования определенной (незаменяемой) вещью должна была быть беспроцентной²⁰. Заем как временная уступка права пользования заменяемыми вещами (уничтожаемыми в процессе пользования) не допускал, по мусульманскому праву, чтобы возвращаемые обратно вещи представляли большую ценность, чем взятые, так как самое незначительное превышение рассматривалось уже как рост, как «лихва»²¹. Отдача денег займа под проценты строго воспрещалась Кораном. Между тем не только процентный заем, но и взимание ростовщических процентов, конечно, широко практиковалось в городах Средней Азии. В каждом городе имелись ростовщики-профессионалы. Ростовщические операции велись преимущественно на деньги и на зерно. Беспроцентные займы заключались, но сравнительно редко²². Весьма характерно, что для согласования процентного займа с требованиями шариата среднеазиатские законоведы допускали включение процентов в сумму займа²³.

Залог (рахн) рассматривался шариатом как институт обязательственного, а не вещного права. Право продажи заложенного имущества для удовлетворения своей претензии, при удостоверении казием факта уклонения должника от уплаты долга, не означало права присвоения заложенной вещи и обращения ее в свою собственность²⁴. Заложенная вещь, по договору рахн, передавалась в руки или во владение кредитора или, как депозит, в руки или владение третьего лица. Плоды, приносимые заложенной вещью, принадлежали должнику. Ипотека как форма залога не была

¹⁹ Кремер А. Мусульманское право. Ташкент: Тип. Окр. штаба, 1888. С. 33.

²⁰ См.: Ибн Хаджар Аль Аскаляни. Указ. соч.

²¹ Берг Л. Указ. соч. С. 132.

²² Наливкин В. П., Наливкина М. В. Указ. соч. С. 38–39.

²³ Опыт систематического изложения главнейших начал шариата ... С. 76.

²⁴ Торнау Н. Е. Указ. соч. С. 73.

известна мусульманскому праву²⁵. Хотя принятие или непринятие во владение заложенного имущества зависело от воли кредитора и в договор о залоге могло быть включено условие, по которому должнику предоставляется право пользования заложенным имуществом, тем не менее это не было ипотекой, так как залогодержатель ни в каком случае не приобретал вещных прав на заложенное имущество.

Детальная разработка институтов обязательственного права сама по себе свидетельствует о развитии торгового оборота. Однако тот факт, что все институты обязательственного права, известные шариату, нашли не только свое применение в среднеазиатских узбекских ханствах, но и дальнейшую разработку и подчас искусное приспособление к более сложным отношениям, является весьма убедительным показателем развития экономических связей, международной и внутренней торговли и ремесленного производства, показателем больших успехов, которых достиг торговый и торгово-ростовщический капитал. В этом отношении большой интерес представляет договор товарищества, в особенности при сопоставлении мусульманской теории с практикой его применения в узбекских ханствах.

Теория мусульманского права различает товарищество двух видов: а) товарищество, основанное на общей собственности (ширки-мульк) и б) товарищество, основанное на договоре (ширки-акид)²⁶. Первый вид товарищества — когда двое или более число лиц являются собственниками одной и той же вещи. В сущности говоря, это просто общая собственность, при которой никто из участников не может распоряжаться чужой долей. Второй вид — «договорное товарищество» — является именно товариществом в подлинном смысле этого слова, и мусульманская теория различает три разновидности таких товариществ, а именно: а) неограниченное товарищество (ширки-муфа-вазат), б) ограниченное товарищество (ширки-инан) и в) простое товарищество (ширки-вуджук). В первом случае налицо полная общность имущества и солидарная друг за друга ответственность; во втором случае взаимной ответственности не требуется, каждый из участников товарищества является только доверенным другого, но не поручителем; в третьем случае товарищество образуется для торговых операций без вложения личных капиталов. Оно потому и называется товариществом по личному кредиту. Такое товарищество имеет место тогда, когда два лица, не обладающие никаким имуществом, заключают между собой договор товарищества с условием покупать товар за свой личный кредит и продавать товар за совместный счет и риск.

Таковы теоретические конструкции товарищества и его различные виды по мусульманскому праву. Практика применения указанных норм шариата в среднеазиатских ханствах значительно расширила свободу товарищеских соглашений, предоставив контрагентам по товарищескому договору почти неограниченные возможности для заключения любых соглашений о совместной торговой и иной хозяйственной деятельности.

В практике казийских судов встречались преимущественно два вида товариществ, в рамки которых укладывались все разнообразные взаимоотношения по совместной торговой деятельности. Наиболее распространенным видом товарищества был ширкат, т.е. договор между двумя или несколькими лицами, заключенный с какой-либо торгово-промышленной целью с внесением для этого известного денежного пая. Второй вид товарищества — мудараба — представлял собой товарищеский договор, заключенный относительно прибыли от общего предприятия, в котором одна из сторон участвует своим капиталом, а другая — своей деятельностью (товарищество на вере, или коммандитное товарищество)²⁷. Эти два вида товарищества допускали самые разнообразные соглашения о сочетании капиталов и предпринимательских усилий, с различным долевым участием, различным дележом прибыли и распределении ответственности перед третьими лицами²⁸. Ни судебная, ни административная

²⁵ Берг Л. Указ. соч. С. 52.

²⁶ Торнау Н. Е. Указ. соч. С. 74–75.

²⁷ Кремер А. Указ. соч. С. 37.

²⁸ Берг Л. Указ. соч. С. 79.

практика не ставила почти никаких ограничений свободе соглашений ни в отношении цели торгово-промышленной деятельности, ни в отношении долевого участия, распределения риска имущественной ответственности и т.д. между контрагентами по товарищескому договору. Даже те ограничения, которые были известны шариату, не соблюдались ни в торговом обороте, ни в судебной практике. Так, например, шариат не допускал заключения таких договоров товарищества, когда один дает исключительно капитал, а другой только труд. В Хидаяе приводится такой пример: если одно лицо имеет мула, а другое кожаное ведро для добывания воды и эти лица заключают между собой сделку товарищества по добыванию воды, причем они согласятся совместно владеть всем, что будет выручено такой работой, то такая сделка не имеет законной силы, а все приобретенное поступает в собственность того лица, которое в действительности добывает воду. Договорная практика в среднеазиатских ханствах таких ограничений не признавала. Вообще практика трактовала договор товарищества весьма широко, подводя под него всевозможные соглашения, в которых два или несколько лиц договаривались относительно совместной деятельности и распределения прибыли от результатов этой деятельности. Насколько практика широко трактовала понятие «торговой сделки», свидетельствует описанный в литературе любопытный случай из судебной практики времен Кокандского ханства. Два ишана, кокандский и чимкентский, договорились, что они поедут по кишлакам и один другого будет рекламировать как выдающегося духовного наставника и что все собранное с населения они будут делить поровну. Первоначально распределение «прибыли» не вызывало споров среди «компаньонов», но когда чимкентский ишан, в задачу которого входило создать ореол святости своему кокандскому собрату, потребовал от последнего раздела пополам также и той выручки, которая однажды была им получена без помощи и содействия чимкентского ишана, кокандский ишан запротестовал, и возник спор, который в конечном итоге был перенесен на суд казия. Казий установил, в каком порядке и в какой пропорции должна быть распределена «прибыль», и примирил обе спорящие стороны²⁹. Очевидно, у казия не возникло сомнений о подсудности такого спора, о юридической квалификации отношений. Казий признал, видимо, законным такой договор товарищества со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Гражданский оборот в среднеазиатских ханствах знал также целый ряд других гражданско-правовых договоров: договор поклажи (вадиат), поручительство (кафолят), дарение (хиба), наем (иджора) и др.

Договор найма делился на два вида: на наем имущества и наем рабочей силы, на договор имущественного найма и договор личного найма. Плата за работу носила название «наемной» платы (уджра). Применение наемного труда имело место в ремесленном производстве и торговле, а в земледелии — преимущественно в городах и пригородах. В сельском хозяйстве исключительно широкое развитие имела издольная аренда, которая, однако, конструировалась как договор товарищества.

Анализ гражданско-правовых институтов, широко применявшихся в среднеазиатских городах в ханский период, позволяет сделать несколько историко-правовых выводов. Прежде всего, практика применения норм шариата в среднеазиатских ханствах свидетельствует о том, что основные принципы ислама времен первых халифов соответствовали простому товарному хозяйству, возникшему и развивавшемуся на феодальной основе. Второй момент, который необходимо подчеркнуть из истории развития мусульманского права, — это то, что именно в Средней Азии к XII в. относится расцвет мусульманской правовой науки и что Хидая как юридический памятник XII в. являет собой высокий образец юридической мысли своего времени. Третий историко-правовой вывод касается самой практики применения шариата в среднеазиатских узбекских ханствах. Эта практика свидетельствует о самостоятельной разработке норм шариата, о дальнейшем этапе развития мусульманского права и о его приспособлении к новым условиям уже в эпоху централизованной феодальной монархии как типичной политической надстройки восточно-феодального экономического базиса.

²⁹ Остроумов Н. П. Указ. соч. С. 222.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берг Л. Основные начала мусульманского права, согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. — СПб. : Тип. Г. Шахт и Ко, 1882. — 214 с.
2. Ибн Хаджар Аль 'Аскаляни. Булуг аль-Марам. Достижение цели в уяснении священных текстов, на которые опирается мусульманское право. — М. : Умма, 2003. — 376 с.
3. Коран. — М. : Умма, 2003. — 687 с.
4. Кремер А. Мусульманское право. — Ташкент : Тип. Окр. штаба, 1888. — 62 с.
5. Наливкин В. П. Конспект лекций по истории ислама и по мусульманскому праву, читанных в 1906–1907 гг. Ташкент, 1908. — 86 с.
6. Наливкин В. П., Наливкина М. В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. — Казань : Типография императорского университета, 1886. — 245 с.
7. Нофаль И. Курс мусульманского права: о собственности. — СПб. : Воен.-учеб. ком. Глав. штаба, 1886. — 231 с.
8. Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края. Неофиц. изд. Ташкент: Тип. при Канц. Туркестан. Генерал-губернатора, 1909. — 126 с.
9. Остроумов Н. П. Исламоведение. 4. Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы. Ташкент: Изд. Сырдарьинского обл. стат. ком. при канц. Турк. Г. Губернатора, 1912. — 235 с.
10. Прохорова В. М. Понятийный подстрочник к Корану. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 351 с.
11. Торнау Н. Е. Особенности мусульманского права. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1892. — 88 с.
12. Юшков С. В. История государства и права СССР : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. — 596 с.

REFERENCES

1. Berg L. Osnovnye nachala musulmanskogo prava, soglasno ucheniyu imamov Abu Khanify i Shafii [The basic principles of Muslim law, according to the teachings of imams Abu Hanifa and Shafi'i]. St. Petersburg: Shakht and Co. Publ. House; 1882 (In Russ.).
2. Ibn Hajar Al 'Askalyani. Bulug al-Maram. Dostizhenie tseli v uyasnenii svyashchennykh tekstov, na kotorye opiraetsya musulmanskoe pravo [Achieving the goal of understanding the sacred texts on which Muslim law is based]. Moscow: Umma Publ.; 2003 (In Russ.).
3. Koran [The Quran]. Moscow: Umma Publ.; 2003 (In Russ.).
4. Kremer A. Musulmanskoe pravo [Muslim law]. Tashkent: Military region headquarters Publ. House; 1888 (In Russ.).
5. Nalivkin VP. Konspekt lektsiy po istorii islama i po musulmanskomu pravu, chitannykh v 1906–1907 gg. [Summary of lectures on the history of Islam and on Muslim law, delivered in 1906–1907] (In Russ.). Tashkent; 1908 (In Russ.).
6. Nalivkin VP, Nalivkina MV. Ocherk byta zhenshchina osedlogo tuzemnogo naseleniya Fergany [An essay on the life of a woman of the settled indigenous population of Fergana]. Kazan: Imperial University Publishing House; 1886 (In Russ.).
7. Nofal I. Kurs musulmanskogo prava: o sobstvennosti [The course of Muslim law: Property]. St. Petersburg : Military and training Headquarters; 1886 (In Russ.).
8. Opyt sistematicheskogo izlozheniya glavneyshikh nachal shariata, primenyaemykh nyne v korenykh oblastiakh Turkestanskogo kraja [The experience of systematic presentation of the main principles of Sharia, which are now used in the indigenous regions of the Turkestan region]. Unoffic. ed. of Tashkent: Turkestan Governor General Admin. Office.; 1909 (In Russ.).
9. Ostroumov NP. Islamovedenie. Shariat po shkole (mazhab) Abu-Khanify. [Islamic studies. 4. Sharia according to the school (madhhab) of Abu Hanifa]. Tashkent: Syrdarya region statistics department under Turkestan Governor General Administrative Office; 1912 (In Russ.).
10. Prokhorova VM. Ponyatiynyy podstrochnik k Koranu [Conceptual substring to the Koran]. Moscow: RIPOLL classic Publ.; 2017 (In Russ.).
11. Tornau NE. Osobennosti musulmanskogo prava [Features of Muslim law]. St. Petersburg; Imperial Academy of Sciences Publ. House; 1892 (In Russ.).
12. Yushkov SV. Istoriya gosudarstva i prava SSSR : v 2 ch. [History of the state and law of the USSR : in 2 parts]. Part 1. Moscow: Legal publishing house of the NKYu of the USSR; 1940 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.046-051

ГУМАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ)

Колесников Иван Андреевич, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
ivankolesnikov0307@gmail.com

© Колесников И. А., 2022

Аннотация. В статье автор приводит краткий обзор процесса гуманизации в сфере уголовных наказаний, происходивший в Западной Европе, на примере такой санкции, как смертная казнь. Автор анализирует сложившуюся к XVIII в. ситуацию относительно уголовных наказаний, а также затрагивает ее причины и предпосылки. Обращается внимание на то, что происходившие в процессе модернизации в Европе общественные изменения затрагивают и уголовную сферу. Важную роль в этом автор отводит деятельности передовых мыслителей и просветителей того времени. Их идеи рассматриваются и анализируются на примере конкретных положений из сочинений мыслителей, отмечается их передовой и прорывной характер. Намечается процесс преобразований в уголовной системе, проявившийся в сокращении применения смертной казни, в совершенствовании процедуры и технической составляющей казни, продиктованных идеей гуманизации, а также переосмыслении самой концепции института смертной казни, который стал рассматриваться как мера частной (а не общей) превенции. Также обращается внимание на процесс замещения смертной казни альтернативными видами наказания, в частности лишением свободы, анализируются и объясняются его причины. Автор указывает на преемственность процесса модернизации и гуманизации в сфере уголовных наказаний, высказывает предположение об объективной природе этого явления и его неизбежности. Обозреваются этапы и черты данного процесса в XX в., когда и была заложена основа, а также сформирована правовая база для современного положения уголовного наказания в виде смертной казни в правовой системе европейских стран.

Ключевые слова: гуманизация; уголовное право; наказание; санкция; смертная казнь; пытка; преступник; превенция; международное право; Западная Европа.

HUMANIZATION OF THE CRIMINAL PUNISHMENT SYSTEM IN WESTERN EUROPE (DEATH PENALTY AS A CASE STUDY)

Ivan A. Kolesnikov, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
ivankolesnikov0307@gmail.com

Abstract. The paper gives a brief overview of the process of humanization in the field of criminal penalties that took place in Western Europe, taking such a sanction as the death penalty as a case study. The author analyzes the situation developed by the 18th century regarding criminal penalties, its affects and prerequisites. The author draws attention to the fact that the social changes taking place in the process of modernization in Europe also affect the criminal sphere. The author assigns an important role in this to the activities of the leading thinkers and enlighteners of that time. Their ideas are considered and analyzed on the example of specific provisions from the writings of thinkers. The author highlights their advanced and breakthrough character. The paper outlines the process of transformations in the criminal system manifested in the reduction of the use of the death penalty, in the improvement of the procedure and technical component of the execution, dictated by the idea of humanization and rethinking of the very concept of the death penalty as a measure of individual (rather than general) prevention. The author also draws attention to the process of replacing the death penalty with alternative types of punishment, in particular imprisonment, and analyzes and explains its causes. The author focuses on the continuity of the process of modernization and humanization in the field of criminal penalties, suggests the objective nature of this phenomenon and its inevitability. The author reviews stages and features of this process in the 20th century, when the foundation and the legal framework for the current situation of criminal punishment in the form of the death penalty in the legal system of European countries were formed.

Keywords: humanization; criminal law; punishment; sanction; death penalty; torture; criminal; prevention; international law; Western Europe.

В результате длительного процесса развития государства, правовых норм, им санкционируемых, и аппарата принуждения смертная казнь в Западной Европе стала одним из главных рычагов репрессивной машины¹. Применение этого наказания не ограничивалось серьезными и тяжкими преступлениями (посягательство на государство, власть и собственность, убийство, изнасилование, ересь). Смертная казнь стала наказанием за воровство или увечье животных, угрозу в письме и т.д.², а ее проведение — зрелищем как для знатной, так и для простой публики. Профессия палача становилась престижной, востребованной, а ее представители нередко получали почетные титулы и звания. Как справедливо отмечал профессор Казанского университета А. А. Пионтковский, причиной данного положения дел выступает «грубость и дикость нравов, различного рода предрассудки в области религиозных верований и политических воззрений, бедность страны и классовая зависимость...»³. Сложившаяся ситуация меняется в XVIII–XIX вв. В это время в государствах Европы наблюдается тенденция к модернизации государства и права, подпитываемая распространением идей просветителей. Это во многом объясняется развитием нового типа общественных отношений — буржуазного. Как следствие, происходит раскрепощение личности, увеличение ее ценности, что отражалось в общественном сознании и политике государства⁴. Изменения претерпевает и система уголовной политики, и, конечно, институт смертной казни⁵. Главное направление этих изменений — гуманизация.

¹ Сундуров Ф. Р. Смертная казнь — наказание или расправа: о концепции профессора Императорского Казанского университета А. А. Пионтковского // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 6. С. 168.

² Туманов А. А. История формирования института смертной казни // Концепт. 2014. Т. 20. С. 2780.

³ Пионтковский А. А. Смертная казнь в Европе // Казань : Типолитография Императорского Университета, 1908. С. 6.

⁴ Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 6.

⁵ Макеева Н. В. Проблема смертной казни в контексте модернизации уголовной политики в Западной Европе и России (конец XVIII — XIX в.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С. 13.

Важную роль в этом процессе сыграли передовые мыслители. Отдельно среди них стоит отметить личность Ч. Беккариа. Итальянский мыслитель одним из первых выступил против применения пыток в уголовном судопроизводстве, обосновывая это рядом причин: физически более сильный преступник способен выдержать пытку и не сознаться, а более слабый невиновный человек после истязаний сознается в чем угодно; применение пытки недопустимо к невиновному человеку, коим является всякий, чья вина не доказана, то есть применять пытку на этапе расследования нельзя; показания, полученные с помощью пыток, лишены важных деталей, а также зачастую способствуют лишь запутыванию дела и появлению противоречий⁶. Ч. Беккариа работал и над вопросом смертной казни⁷. Можно выделить ряд важных положений, которые мыслитель сформулировал касательно института смертной казни:

- применение смертной казни государством возможно лишь в двух случаях: когда это необходимо для сохранения государства как такового, в условиях анархии или при наличии преступника, одно физическое существование которого создает колоссальную угрозу для страны и общества; либо когда отвлечь остальных от совершения подобного деяния невозможно, иначе как посредством применения смертной казни;
- вечная каторга представляется намного страшнее смертной казни. Приговоренный к смерти должен сконцентрировать все свои силы, чтобы вынести короткий момент страдания и распрощаться с жизнью. С началом пожизненной каторги страдания осужденного лишь начинаются. Они продлятся всю его жизнь, и каждый день преступник будет чувствовать свое несчастье;
- устрашение, которого пытается достичь государство с помощью проведения публичных казней, подменяется на азарт и негодование у толпы. Экзекуция превращается в зрелище, впечатления от которого (безусловно, сильные) довольно быстро угасают, что никак не способствует предупреждению новых злодеяний. В то же время осужденные на вечное заключение являют собой пример длительных страданий, постоянность и неотвратимость которых вселяет ужас в человека. Он переносит на себя судьбу этого несчастного и совсем не желает ее повторить;
- важен ход мыслей преступника. Находясь в самом отчаянном положении, человек решает перед окончанием своего жизненного пути почувствовать вкус свободы и наслаждения, отмщения своим прежним угнетателям и встает на путь преступности. Он знает, что его ждет смерть, но не страшится ее, стремясь насладиться плодами своих злодеяний и отправиться в иной мир, благополучие в котором ему поможет обеспечить религия. Однако, если преступник будет осознавать, что всю оставшуюся жизнь его будут ждать непрекращающиеся страдания, никакие блага от совершенных злодеяний не покажутся ему соразмерными последующей каре;
- для обеспечения эффективного воздействия смертной казни на население необходимо периодическое ее проведение и демонстрация возмездия над преступником. Это означает, что необходимо и периодическое совершение преступлений, за которые эта казнь будет проводиться и против которых она в принципе существует. Таким образом, обнаруживается противоречие, свидетельствующее о неэффективности этого вида наказания.

Ч. Беккариа обосновывает нецелесообразность существования института смертной казни, ее неэффективность и необходимость ее отмены. Его труды носили передовой, прорывной характер в то время. Они оказали значительное влияние на

⁶ Васильков К. А., Удовиченко В. С. Ретроспективный анализ гуманизации уголовного судопроизводства и практики применения смертной казни в контексте учения Чезаре Беккариа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 167.

⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Харьков : Издание С. Я. Беликова, 1889. С. 65–67.

общественное сознание, а многие положения, аргументируемые и предложенные им, будут реализованы на практике.

В XVIII в. в Европе смертная казнь была отменена за многие виды преступлений: против религии, против нравственности, за некоторые преступления против собственности⁸. Этот процесс продолжился и в XIX в. Так, казнь была отменена уже за все преступления против собственности и стала применяться лишь за преступления против государства и против личности. Стоит отметить, что и внутри этой категории преступлений круг наказуемых смертной казнью постоянно сужался⁹. Так, к началу XIX в. Англия занимала лидирующие позиции по количеству преступлений, караемых смертной казнью (по разным оценкам, от 100 до 240 составов). Однако уже во второй половине века смертная казнь осталась только за «посягательство на особу королевы и членов царствующего дома, бунт, сопровождающийся насилием, убийство, злоумышленное нанесение ран, окончившееся смертью, морской разбой и поджог доков и арсеналов»¹⁰.

Смертная казнь становится актом частной превенции и применяется лишь в особых случаях, предусмотренных законом. Существует точка зрения, что необходимость уменьшения применения смертной казни — это объективный факт, а процесс отказа от этого вида наказания — медленный, но непрекращающийся и бесповоротный¹¹.

Сами казни в этот период становятся гуманнее, как это не парадоксально звучит. Происходит сужение области применения квалифицированной казни, а также полный отказ от ее применения. Постепенное развитие медицинской науки позволило выяснить, что при повешении человек мгновенно умирает от перелома шейных позвонков, а смерть от удушья занимает несколько минут. Вследствие этого при проведении казней через повешение стали использоваться более длинные веревки, которые способствовали облегчению страданий осужденного.

В XIX в. был сделан важный шаг в направлении всеобщей гуманизации. Смертные казни перестают быть публичными. Как писал Ч. Беккариа, «смертная казнь вредна тем, что подает пример жестокости»¹². Она показывает, что умерщвление человека — это быстрое, несложное дело, лишенное того вида ужасного и абсолютного зла, которое государство культивирует в населении. Само это государство убивает человека просто, быстро и без отвращения. Место исполнения смертных приговоров переносится с площадей в тюрьмы. Это имело важные положительные последствия. Во-первых, снижалось количество жестокости, насилия в повседневной жизни людей. Они меньше видели смерть и убийство перед своими глазами и, соответственно, сами всё более отстранялись и абстрагировались от этих явлений, что способствовало и снижению количества преступлений. Во-вторых, это лишало преступников возможности ощутить свое моральное превосходство и победу даже перед смертью. В тюрьме, кроме палача и узкого круга людей, никто не видел последние минуты его жизни. Никто не мог лицезреть его отвагу перед лицом смерти, презрение к карающей его системе. Преступник не мог рассчитывать на чье-либо сочувствие или обожание, что превращало процедуру казни в тихое, лишенное какой бы то ни было грандиозности действо, следствием которого является только прекращение жизни одного человека.

В ряде европейских стран смертная казнь была полностью отменена. Так, в XIX в. этот вид наказания был отменен в Голландии, Италии, Румынии и Португалии¹³. В странах, где смертная казнь всё же сохранилась, нарастало аболиционистское

⁸ Макеева Н. В. Указ. соч. С. 15.

⁹ Макеева Н. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁰ Туманов А. А. Указ. соч. С. 2779.

¹¹ Ананиан Л. Л. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула : Автограф, 2000. 270 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 : «Государство и право». 2001. № 4. С. 163.

¹² Беккариа Ч. Указ. соч. С. 73.

¹³ Туманов А. А. Указ. соч. С. 2781.

движение, под давлением и в результате действий представителей которого были совершены многие прорывы в вопросе ограничения института смертной казни.

С развитием цивилизации меняется и подход к уголовным наказаниям. Так, с приходом индустриального общества на месте главной санкции за преступления смертная казнь сменяется лишением свободы¹⁴. Этот процесс обоснован объективными причинами: с развитием науки, техники и производства меняется и мировоззрение людей, оно приобретает более гуманистически направленный характер; более прозаичной причиной является еще и то, что с развитием индустриального производства банально появляются средства для организации пенитенциарной системы и реализации применения такой санкции, как лишение свободы. Конечно, на начальных этапах условия содержания осужденных были ужасными, однако сам факт существования такого института уже давал возможность сохранить жизнь людям, использовать даже самый малый шанс на исправление. К тому же вследствие все того же развития общества условия и инфраструктура всей системы неизбежно будут улучшаться.

На протяжении всего XX в. наблюдается тенденция к максимальному уменьшению использования смертной казни в странах Европы. Принятие международных правовых актов способствовало законодательному запрету использования смертной казни¹⁵. Всеобщая Декларация прав человека закрепила норму о том, что абсолютно каждый имеет право на жизнь. Подписанная в 1950 г. Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод закрепляла неотчуждаемость основных прав и свобод человека, а также обязывала стран, ратифицировавших ее, обеспечить их исполнение для своих граждан. В 1983 г. вступил в силу Протокол № 6 к данной конвенции¹⁶. Он включал в себя обязательство для ратифицировавших его стран полностью отменить смертную казнь как вид уголовного наказания в мирное время.

Европа прошла длинный путь гуманизации уголовной системы и уголовных наказаний, важную роль в котором сыграли просветители и гуманисты, а также объективные процессы общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ананиан Л. Л. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. — Тула : Автограф, 2000. — 270 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 : «Государство и право». — 2001. — № 4. — С. 161–163.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Харьков : Издание С. Я. Беликова, 1889. — 232 с.
3. Васильков К. А., Удовиченко В. С. Ретроспективный анализ гуманизации уголовного судопроизводства и практики применения смертной казни в контексте учения Чезаре Беккариа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 3 (51). — С. 166–170.
4. Кашанина Т. В. Санкции в праве: прошлое, настоящее, будущее // Lex russica. — 2019. — № 12 (157). — С. 87–104.
5. Макеева Н. В. Проблема смертной казни в контексте модернизации уголовной политики в Западной Европе и России (конец XVIII — XIX в.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. — 34 с.
6. Пионтковский А. А. Смертная казнь в Европе // Казань : Типолитография Императорского Университета, 1908. — 24 с.

¹⁴ Кашанина Т. В. Санкции в праве: прошлое, настоящее, будущее // Lex russica. 2019. № 12 (157). С. 90.

¹⁵ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 89.

¹⁶ Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни // Российская газета. 1995. 5 апреля.

7. Сундунов Ф. Р. Смертная казнь — наказание или расправа: о концепции профессора Императорского Казанского университета А. А. Пионтковского // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2015. — № 6. — С. 167–175.
8. Туманов А. А. История формирования института смертной казни // Концепт. — 2014. — Т. 20. — С. 2776–2782.

REFERENCES

1. Ananian LL, Kistyakovskiy A. F. Issledovanie o smertnoy kazni. Annotatsiya [Research on the death penalty]. Tula: Avtograf Publ.; 2000. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4. The State and Law*. 2001;4:161-163 (In Russ.).
2. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [About crimes and punishments]. Kharkiv: S. Ya. Belikov's Publ.; 1889 (In Russ.).
3. Vasilkov KA, Udovichenko VS. Retrospektivnyy analiz gumanizatsii ugovnogo sudoproizvodstva i praktiki primeneniya smertnoy kazni v kontekste ucheniya Chezare Bekkaria [Retrospective analysis of the humanization of criminal proceedings and the practice of applying the death penalty in the context of the teachings of Cesare Beccaria]. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2020;3(51):166-170 (In Russ.).
4. Kashanina TV. Sanktsii v prave: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Sanctions in Law: Past, Present, Future]. *Lex russica*. 2019;12(157):87-104 (In Russ.).
5. Makeeva NV. Problema smertnoy kazni v kontekste modernizatsii ugovnoy politiki v Zapadnoy Evrope i Rossii (konets XVIII — XIX v.) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The problem of the death penalty in the context of the modernization of criminal policy in Western Europe and Russia (late 18th — 19th centuries): Author's Abstract]. Tambov; 2005 (In Russ.).
6. Piontkovsky AA. Smertnaya kazn v Evrope [The death penalty in Europe]. Kazan: Typolithography of the Imperial University; 1908 (In Russ.).
7. Sundurov FR. Smertnaya kazn — nakazanie ili rasprava: o kontseptsii professora Imperatorskogo Kazanskogo universiteta A. A. Piontkovskogo [The death penalty — punishment or punishment: about the concept of Professor of the Imperial Kazan University A. A. Piontkovsky]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2015;6:167-175 (In Russ.).
8. Tumanov AA. Istoriya formirovaniya instituta smertnoy kazni [The history of the formation of the institution of the death penalty]. *Kontsept*. 2014;20:2776-2782 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.052-060

МИР

БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И СТРАТЕГИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Маркелов Святослав Кириллович, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
megatrons2001@mail.ru

© Маркелов С. К., 2022

Аннотация. Терроризм является одной из основной угроз стратегической безопасности Российской Федерации. Среди всех международных террористических организаций особо выделяются Братья-мусульмане (признаны террористической организацией на территории Российской Федерации). Одно из старейших и наиболее опытных движений радикальных исламистов и по сей день угрожает национальным интересам и безопасности нашей страны, как внутри нее, так и за рубежом. Радикальное исламистское движение салафитского толка широко раскинуло свои сети по миру, привыкло скрытно накапливать силу и ресурсы, а также всеми способами распространять собственную идеологию. Ввиду актуальности вопроса о необходимости выработки механизмов противостояния распространению влияния группировки внутри России и за рубежом проведен анализ стратегии данной террористической организации и методов, с помощью которых она осуществляет свою деятельность. Их исследование и систематизация вызывают активный интерес ученых от Австрии до ОАЭ, от Великобритании до России. Обозначены также те способы, с помощью которых Братья-мусульмане от небольшой ячейки в Египте разрослись до огромной сети структур, ведущих свою деятельность от Ближнего Востока до США. Структуры, с помощью которых осуществляется укрепление позиций движения: государственные органы, политические партии, НКО и т.п. Проанализированы и общие черты стратегии террористической группировки, соотношение их с ее идеологической доктриной. Сделан вывод о необходимости выработки жестких мер противостояния группировке и скрупулезного выявления ее тщательно скрытых сетей.

Ключевые слова: государство; безопасность; политика; идеология; террор; терроризм; международная террористическая организация; ислам; салафизм; Братья-мусульмане.

MUSLIM BROTHERHOOD: TERRORIST ORGANIZATION METHODOLOGY AND STRATEGY

Svyatoslav K. Markelov, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
megatrons2001@mail.ru

Abstract. *Terrorism is one of the main threats to the strategic security of the Russian Federation. Among all international terrorist organizations, the Muslim Brotherhood stands out in particular (recognized as a terrorist organization on the territory of the Russian Federation). One of the oldest and most experienced movements of radical Islamists still threatens the national interests and security of our country, both in Russia and abroad. The Salafi radical Islamist movement has spread its networks widely around the world and has accustomed to secretly accumulating strength and resources, as well as to spreading its own ideology in all ways. In view of the urgency of the issue of the need to develop mechanisms to counter the spread of the group's influence inside Russia and abroad, an analysis of the strategy of this terrorist organization and the methods by which it carries out its activities has been carried out. Their examination and systematization arouse the active interest of researchers from Austria to the UAE, from the UK to Russia. The author focuses on the ways in which the Muslim Brotherhood has grown from a small unit in Egypt to a huge network of structures operating from the Middle East to the United States. The structures by which the positions of the movement are strengthened: state bodies, political parties, NGOs, etc. The general features of the strategy of the terrorist group, their correlation with its ideological doctrine are also analyzed. The paper concludes that it is necessary to develop tough measures to confront the group and scrupulously identify its carefully hidden networks.*

Keywords: *state; security; politics; ideology; terror; terrorism; international terrorist organization; Islam; Salafism; Muslim Brotherhood.*

Борьба с терроризмом является одним из компонентов стратегической безопасности Российской Федерации. На фоне множества угроз, исходящих от различных террористических сообществ и организаций, особо выделяется группировка «Братья-мусульмане». Это движение зародилось в Египте в первой половине XX в. как учение, призывающее к слиянию политической и религиозной сфер общественной жизни, воплощение в государстве ортодоксальных исламских традиций и законов, поддерживаемых и реализуемых самим государством. Как утверждал основатель движения Хасан аль-Банна: «Аллах — наш идеал. Пророк — наш вождь. Коран — наша конституция». Позднее его идеи были развиты и радикализированы идеологом группировки Сейидом Кутбом в середине XX в., который прямо противопоставил исламское государство капиталистическим и социалистическим и продвигал тезис о неприемлемости иных форм государственности, отличным от исламской в его трактовке. Помимо этого, он также указывал, что добиваться построения такого государства можно любыми способами, в зависимости от складывающейся обстановки: как мирными, так и насильственными. В конечном счете после череды покушений на государственных деятелей Египта эта организация была запрещена у себя на родине, а Сейид Кутб арестован.

К настоящему времени позиции группировки весьма разнородны. В ряде стран, таких как Ливия и (ранее) Судан Братья действуют как легальная политическая сила, ее члены представлены в органах власти и напрямую влияют на ее политику. Однако помимо краткого периода президентства Мухаммеда Мурси в Египте стать где-либо определяющей повестку государства силой группировке не удавалось. В иных странах группировка, хотя и присутствует на легальной или полужигальной основе, влияние ее на политику опосредованно и в основном сосредоточено на ряде узких областей. В первую очередь речь идет о странах Европы, которые еще не в полной мере осознают угрозу, исходящую от группировки, специфика работы Братьев-мусульман в западных странах будет подробнее рассмотрена в дальнейшем. В ряде стран, таких как Россия или Египет, группировка находится под запретом и преследуется законом, однако тем не менее продолжает вести свою деятельность подпольно и через создание формально легальных, но связанных с движением финансово и (или) идеологически организаций.

Крайне неоднозначен статус группировки в США, чья политика зачастую влияет на остальной мир. Так, при президенте Д. Эйзенхауэре движение рассматривалось в США как альтернатива просоветским правительствам¹. В настоящее время были неоднократные попытки признать движение террористическим, которые, однако, не увенчались успехом. Активная дискуссия идет и в экспертном сообществе США: так, ряд исследователей, такие как И. Цукерман, считают влияние группировки деструктивным, другие же, например доктор М. Райан², считают, что ее необходимо отделять от радикальных салафитских движений, таких как Аль-Каида (запрещена на территории Российской Федерации), и она отнюдь не является угрозой.

Как неоднозначное можно охарактеризовать и взаимодействие с Братьями монархий залива: ОАЭ и Саудовской Аравии. Хотя группировка запрещена и преследуется внутри этих государств, поскольку ее трактовка идеологии исламского фундаментализма не приемлет сложившийся в указанных государствах политический строй, тем не менее существует ряд прецедентов содействия и финансирования со стороны вышеуказанных государств деятельности Братьев в других странах, таких как Сирия и Йемен.

Наконец, целый ряд государств оказывает движению прямую поддержку, хотя сама группировка и ее члены не представлены широко в государственных органах этих стран. Речь в первую очередь о Катаре, который является основным финансовым спонсором для движения, а также предоставляет ему одну из крупнейших информационных площадок Ближнего Востока — телеканал «Аль-Джазира», по которому в том числе главный современный идеолог движения Юсуф Кардауи ведет свои проповеди. К числу спонсирующих Братьев-мусульман государств относится также Турция, которая оказывает политическую поддержку, снабжает оружием связанные с ними правительства (ПНЕ, Ливия) и боевые группы (Фейлак аш-Шам (запрещена на территории Российской Федерации), Сирия).

Итак, переходя к разбору методов и стратегий группировки, стоит отметить их чрезвычайную разнообразность, но мы разобьем их на три группы: 1) методы прямой борьбы за власть политическими или иными путями, характерные для стран с мусульманским большинством; 2) универсальные методы информационной борьбы; 3) методы, направленные по большей части на скрытное распространение идеологии группировки и влияющие на политическую сферу жизни опосредованно, присущие для ячеек движения в Европе и странах Запада.

Характерным примером использования первых является крыло Братьев-мусульман в Йемене — партия Аль-Ислах. Сформировав эту партию в девяностых-нулевых годах, движение, опиравшееся на растущую поддержку исламского фундаментализма в Йемене после его объединения и вступив в союз с правящим Всеобщим народным конгрессом, сумело оказывать значительное влияние на политику государства. В частности, под ее патронажем открывались и действовали исламские учебные заведения, в которых распространялась ее идеология. С началом гражданской войны в Йемене партия быстро сумела сформировать вокруг себя боевые отряды и продолжила свою деятельность на подконтрольных коалиции во главе с Саудовской Аравией территориях Йемена. Партия в разное время и на разных участках сотрудничала со всеми силами, входящими в коалицию, чьи интересы подчас различались (имеются в виду близкие ОАЭ силы Южного переходного совета и «хадисты», спонсируемые Саудовской Аравией), и даже с местным филиалом Аль-Каиды. Хотя такой подход давал плоды в разгар боевых действий, со снижением их интенсивности и фактической заморозкой крупных операций Аль-Ислах приобрела репутацию ненадежного партнера, что привело к тому, что Саудовская Аравия дистанцировалась от движения, связанное с ней правительство Аль-Алими исключило Братьев из своего состава, а его влияние в последние два года заметно снизилось, хотя на данный момент

¹ Ehrenfeld R. The Muslim Brotherhood Evolution: An Overview // American Foreign Policy Interests. 2011. Vol. 33. № 2. P. 69–85.

² Ryan M. Decoding Al-Qaeda's Strategy. Washington: Columbia University Press, 2013. 352 p.

Аль-Ислах всё еще располагает значительными человеческими и финансовыми ресурсами.

Показательным также является пример Сирийской Арабской Республики, где движение представлено боевым крылом — Фейлак аш-Шам. Еще в прошлом веке Братья-мусульмане сумели организовать два вооруженных выступления в городе Хама, приведших к тяжким последствиям, — в 1964 и 1982 гг. После первых беспорядков многие функционеры группировки остались на свободе, а само движение продолжило функционировать в Сирии. И лишь после второго выступления, которое пришлось подавлять силами армии, оно было запрещено, а его члены стали преследоваться по закону. Впрочем, эти события не уберегли Сирию от их более драматического повторения уже в нынешнем веке. Так, незадолго до начала гражданской войны, в 2011 г. Башар Асад объявил амнистию³, под нее попали в том числе члены группировки, которые, оказавшись на свободе, стали вновь распространять свои радикальные идеи и сформировали антиправительственные боевые группы, попытавшиеся свергнуть законное правительство Сирии. Этот опыт может наглядно свидетельствовать о живучести идей изучаемого нами террористического движения и бесперспективности терпимости к его активности. Нынешняя его итерация в Сирии — Фейлак аш-Шам занимается вербовкой в свои ряды в том числе бывших террористов Исламского государства (движение признано террористическим на территории Российской Федерации), что вкупе с его сотрудничеством с Аль-Каидой в Йемене свидетельствует о том, что движение тесно взаимодействует не только с государствами, но и с другими террористическими образованиями, относительно легко находя с ними общий язык, ввиду чего попытки ряда американских экспертов, включая М. Райана, указывать на иную сущность этого движения видятся нам безосновательными.

Важную роль в распространении идеологии движения играют средства массовой информации, в первую очередь Аль-Джазира. Известная международная телекомпания транслирует главного проповедника Братьев-мусульман Юсуфа аль-Кардауи в передаче «Шариат и жизнь» и доносит до своей аудитории издаваемые им фетвы⁴. Помимо этого, канал активно поддерживал Партию свободы и справедливости в Египте, а в Сирии — силы, выступающие за свержение законного правительства. В арсенале группировки находится одно из крупнейших СМИ в мире, позволяющее им распространять радикальные идеи посредством регулярных проповедей на широкий круг зрителей (оценка варьируется от нескольких миллионов до нескольких десятков миллионов), оказывать поддержку ассоциированным с ними политическими силами или, напротив, дискредитировать те правительства, которые им неуютны, такие как правительство Башара Асада или Хосни Мубарака. Тем не менее стоит отметить, что Аль-Джазира контролируется не самими Братьями, а поддерживающим их руководством Катара.

Помимо «Аль-Джазир», Братья используют также децентрализованные средства массовой информации — аккаунты своих функционеров (или им сочувствующих) и организаций в социальных сетях, национальные СМИ в частично контролируемых ими странах, а европейские исследователи в рамках изучения влияния движения в Европе отмечали организацию связанными с группировкой деятелями специальных форумов для журналистов⁵. Террористическая организация уделяет большое внимание агитации посредством СМИ, соцсетей и иных форм массового распространения

³ Syrian president issues amnesty (May 31, 2011) // Al-Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2011/5/31/syrian-president-issues-amnesty> (дата обращения: 01.04.2022).

⁴ Кузнецов А. А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). М. : Русский фонд содействия образованию и науке ; издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. С. 81–98.

⁵ Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood's Pan-European Structure. Austrian Fund for the Documentation of Religiously Motivated Extremism. URL: https://www.dokumentations-stelle.at/wp-content/uploads/2021/10/Report_EU_Strukturen_final.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

информации, что в рамках нашего правопорядка подпадает под ст. 205.2 УК РФ, однако на практике выявление связанных с группировкой источников агитации является довольно сложным, учитывая, что ее функционеры публично часто отрицают или просто не афишируют связь с движением, а сама агитация носит не прямой и неявный характер, чтобы избежать внимания правоохранительных органов и ответственности, предусмотренной законодательством стран, в которых она ведется.

Политическая и военная борьба характерна для движения в тех странах, где оно может опереться на широкие слои населения, а также как оно ведет агитацию по всему миру посредством современных информационных средств. Однако в странах Европы группировка оперирует отнюдь не только информационными источниками, а ее стратегия там носит наиболее сложный и комплексный характер, впрочем такая стратегия может применяться и в мусульманских странах параллельно с методами прямого действия.

Австрийский фонд документирования религиозно-мотивированного экстремизма проводил подробное исследование работы движения в Европе. Им были выделены три уровня организации:

- к первому были отнесены «чистые» Братья — секретные сети преданных группировке людей, напрямую связанных с ближневосточными ветвями братства, последователи тех, кто бежал в Европу из Египта в середине XX в.;
- ко второму — «порождения» Братства — организации, принадлежащие «чистым» Братьям и являющим собой публичное лицо скрытых сетей. Такие организации, как правило, отрицают свою аффилированность с Братями-мусульманами;
- к третьему уровню относятся организации, находящиеся под влиянием Братьев, которые, хотя и не управляются Братями напрямую, связаны с ними через финансирование, исторически или иным образом⁶.

Руководители движения, которые могут как иметь связи между собой, так и вовсе не знать друг о друге, осуществляют координацию различных общин и ответвлений братства. В число «чистых» Братьев принимаются только наиболее лояльные и зарекомендовавшие себя перед группировкой, информация об истинных членах движения ревностно ею охраняется. Австрийские исследователи указывают, что лишь высшие руководители группировки, такие как Ибрагим Мунир, не скрывают своей аффилированности, а также то, что информацию о сети возможно получить от тех, кто покинул террористов. Далее «чистые» Братья создают организации — обычно некоммерческие, с научно-образовательным, гуманитарным или правозащитным уклоном. Как правило, для них выбирается название, которое позволит выглядеть структурам Братьев как представителям мусульман (European Council for Fatwa and Research, Muslim Students of Europe и т.д.). Эти организации ведут легальную или по крайней мере с виду легальную деятельность. Де-факто они проводят или спонсируют исследования, публикации и образовательную деятельность, направленную на мягкое продвижение радикального исламизма, политический активизм, лоббизм и иную деятельность, способствующую расширению влияния группировки, распространению ее идеологии и внедрению ее членов в государственные и негосударственные структуры.

Спонсируемые ими религиозно-образовательные организации выпускают имамов, которые распространяют близкие Братьям-мусульманам идеи в мечетях, некоторые, восприняв их, становятся членами других террористических группировок, таких как Исламское государство. Сети, созданные группировкой, бывают тесно переплетены с другими международными террористическими организациями. Так, масштабное расследование в Испании в 2019 г. обнаружило связь местных Братьев-мусульман с Аль-Каидой и Хайят Тахрир аш-Шам (признана на территории Российской Федерации террористической организацией), их информационные ресурсы, по результатам уже британского расследования в 2014 г., занимались оправданием террористических атак в Израиле и Ираке, масштабной террористической атаки Аль-Каиды в США

⁶ Vidino L., Altuna S. Указ. соч.

11.09.2001⁷, наконец некоторые из верховных лидеров Аль-Каиды и Исламского государства — Абу Бакр аль-Багдади и Айман аз-Завахири — некоторое время были членами Братьев-мусульман, что, вероятно, во многом предопределило их будущую деятельность⁸.

Помимо собственных структур существуют также такие, которые не контролируются Братями напрямую, однако находятся под их влиянием. Австрийское исследование выделяет следующие аспекты, свидетельствующие о влиянии группировки на ту или иную организацию, либо вовлеченность кого-либо в сети группировки: присутствие Братьев в управляющих структурах организации; ее финансирование через фонды и членов Братьев; взаимодействие с организациями Братьев-мусульман; организация с ними совместных мероприятий; приглашение членов Братьев в качестве ключевых спикеров; перевод, публикации и реклама их литературы; участие в международных структурах Братьев (таких как Форум организаций европейской мусульманской молодежи и студентов)⁹. С нашей стороны будет важным отметить в качестве признаков аффилированности также регулярные контакты с влиятельными представителями Братьев-мусульман.

Группировке уже удалось развернуть целый ряд структур, оказывающих значительное влияние на мусульманские общины и через них, — на европейскую повестку, наиболее яркими примерами из которых будут COEM (Concil of European Muslims) и уже упомянутый нами FEMYSO (Forum of European Muslim Youth and Students Organizations). Вкупе с влиянием на ближневосточные страны — через политические партии, как Партия справедливости и развития в Марокко, через своих ставленников в государственных органах — таких как Сиддик аль-Кабир, глава ливийского Центробанка, и через вооруженные группировки, подобные сирийской Фейлак аш-Шам, — все это делает очевидным размах и влияние, а также методологический арсенал Братьев-мусульман, какими на данный момент не обладает, пожалуй, ни одна другая террористическая группировка.

Тем не менее для более точного понимания стратегии Братьев-мусульман необходимо выделить ряд ее общих черт.

1. Первой чертой является высокая степень децентрализованности. Это значит, что у группировки нет единого центра принятия решений и каждая ее ветвь в отдельно взятой стране, отдельно взятом регионе действует автономно, хотя и не без помощи зарубежных общин Братьев, а также то, что между этими ветвями и ячейками нет четкой иерархии. Тем не менее некоторые исследователи указывали на наличие общего координационного центра у Братьев-мусульман в Европе в лице «Совета Европейских Мусульман», а британское расследование показало доминирующую роль египетской ветви братства в ныне разгромленном Guidance Bureau, бывшем координационном центре Братьев¹⁰. Несмотря на это, такая иерархия является скорее неформальной и проистекает из авторитета отдельных членов Братьев или ресурсов их отдельно взятой общины. В общем и целом, автономность позволяет различным ветвям Братьев-мусульман адаптироваться к условиям конкретной страны, изыскивая наиболее эффективные методы продвижения идеологии группировки, расширения ее влияния и вовлечения новых членов. Такая автономная единица часто имеет свои источники финансирования, свои центры принятия решений на локальном уровне, связанные с другими ячейками братьев, свои связи. Так, Фейлак аш-Шам финансируется Турцией и управляется через Временное Правительство Сирии, аль-Ислах поддерживал связь с Саудовской Аравией, а филиал Братьев в

⁷ Muslim Brotherhood Review: Main Findings (December 17, 2015). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/486932/Muslim_Brotherhood_Review_Main_Findings.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

⁸ Jose R. Revista del Instituto Español de Estudios Estratégicos: The Competition between Al Qaeda and the Islamic State // Journal of the Spanish Institute for Strategic Studies. 2019. № 14. 254 p.

⁹ Vidino L., Altuna S. Указ. соч.

¹⁰ Muslim Brotherhood Review: Main Findings (December 17, 2015). Указ. соч.

Англии финансировался средствами бизнесменов Египта и Пакистана¹¹. При этом Братья имеют огромную сеть фондов по всей Европе, которая позволяет финансировать сеть террористов в целом. Таким образом, мы видим, как сеть группировки формируется из плеяды автономных узлов, каждый из которых имеет определенную организационную и ресурсную самостоятельность, но поддерживается общими структурами движения и тесно координирует с ними свою деятельность. Главным цементом, в свою очередь, для них служит идеология построения всемирного исламско-салафитского государства.

2. Вторая черта стратегии группировки отчасти вытекает из первой — группировка обладает высокой степенью гибкости, как в подборе методов действия, так и в идеологическом плане, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии вокруг нее. Если Исламское государство, прямо призывающее к террористическим актам и вооруженной борьбе против тех, кого они сочли неверными, оказалось довольно быстро побеждено, а его влияние, как и у Аль-Каиды сохранилось в основном в менее развитых странах, с высокой внутренней нестабильностью, как Мали, или в состоянии вооруженного конфликта, как Йемен, то Братья-мусульмане умело распространяют свое влияние в странах с самым разным уровнем экономического и социального развития, с самым разным политическим устройством, а единодушия в отношении целей группировки нет до сих пор. В то же время, сохраняя преданность идеологическим конструктам межрелигиозной и межконфессиональной розни, созданным Сейидом Кутбом, согласно которым в мире не существует подлинно исламских правительств, лишь джахилийские (с араб. — невежество, обозначает доисламский период истории арабов, в данном контексте означает не соответствующие исламу), даже в мусульманских странах нынешние ключевые идеологи Братьев, такие как Юсуф Кардауи, периодически призывают едва ли не к экуменизму, утверждая, что расхождения по несущественным для религии вопросам не должно быть причиной разделения мусульман¹². Они поддерживают иные исламско-фундаменталистские движения, такие как Талибан (признан террористической организацией на территории Российской Федерации), хотя ханафитский мазхаб (правовая школа в исламском праве) отличается от салафизма Братьев-мусульман, и сами открыто пользуются поддержкой довольно светской Турции.

В странах Европы они умело используют актуальную повестку, даже абсолютно чуждую исламскому фундаментализму. Некоторые эксперты отмечали, что Братья внедряются в ЛГБТ-сообщества, используют риторику европейских ультраконсерваторов, тему расизма для продвижения собственной повестки. Это отнюдь не свидетельствует о том, что само движение отказывается от своих жестоких идей, напротив, доктрина, изложенная идеологами движения еще в прошлом веке, допускает и даже поощряет двуличие и использование сложившихся условий с целью продвижения идей Братьев-мусульман и упрочения их положения, по мере улучшения коего их риторика ужесточается, доходя до открытого провозглашения сеющих межрелигиозную и межконфессиональную ненависть идей, и, напротив, либерализуется в более тяжелые для группировки времена, когда поддержки фундаменталистов становится недостаточно.

3. Наконец третьей чертой, несколько сложной и неоднозначной, однако нуждающейся в рассмотрении, является то, на какие слои преимущественно опираются Братья-мусульмане. По-видимому, одной из слабостей группировки является то, что ей тяжело получить поддержку так называемого среднего класса. Хотя она, очевидно, справляется с привлечением и возвращением политических и религиозных лидеров, а также умело находит поддержку и опору среди экономически отстающих слоев населения, сформировать кластер специалистов и привлечь на свою сторону

¹¹ *Al-Habsi N.* Finance network of Muslim Brotherhood in the West: forms and manifestation // Trends Research & Advisory. URL: <https://trendsresearch.org/insight/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹² Аль-Кардауи Ю. Исламское возрождение в свете дозволенного расхождения и осуждаемого раскола. Киев : Ансар Фаундейшн, 2011. С. 23–38.

обеспеченные, прогрессивные слои населения движению не удастся. Это более заметно на примере мусульманских стран, особенно Египта, где Братья пользовались поддержкой преимущественно в наименее экономически развитых регионах¹³, а действия армии, свергнувшей Мохаммеда Мурси, напротив, были с воодушевлением встречены в крупных городах, но меньше проявляется в европейских странах, где мусульманские общины являются меньшинством и не до конца интегрированы в жизни европейских государств.

Хотя в последнее время Братья-мусульмане все сильнее теряют свои позиции в арабском мире, а в Европе, США и России всё чаще подсвечивается их деятельность и все громче голоса тех, кто говорит о необходимости жестких мер в отношении группировки, она всё еще остается наиболее опасной и влиятельной международной террористической организацией в мире с самым широким арсеналом методов, влиятельными международными покровителями и большим опытом подрывной деятельности. Поэтому анализ стратегии движения, выявление его сетей и пресечение террористической активности его членов является крайне важным для обеспечения безопасности нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аль-Кардауи Ю. Исламское возрождение в свете дозволенного расхождения и осуждаемого раскола. — Киев : Ансар Фаундейшн, 2011. — 160 с.
2. Исаев Л., Коротаев А. Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа (10 марта 2014 г.) // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: официальный сайт. — URL: <https://www.hse.ru/news/126775440.html> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Кузнецов А. А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). — М. : Русский фонд содействия образованию и науке; издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. — 352 с.
4. Al-Habsi N. Finance network of Muslim Brotherhood in the West: forms and manifestation // Trends Research & Advisory: официальный сайт. — URL: <https://trendsresearch.org/in-sight/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Ehrenfeld R. The Muslim Brotherhood Evolution: An Overview // American Foreign Policy Interests. — 2011. — Vol. 33. — № 2. — P. 69–85.
6. Jose R. Revista del Instituto Español de Estudios Estratégicos: The Competition between Al Qaeda and the Islamic State // Journal of the Spanish Institute for Strategic Studies. — 2019. — № 14. — P. 251–276.
7. Muslim Brotherhood Review: Main Findings (December 17, 2015). — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/486932/Muslim_Brotherhood_Review_Main_Findings.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
8. Ryan M. Decoding Al-Qaeda's Strategy. Washington: Columbia University Press, 2013. — 352 p.
9. Syrian president issues amnesty (May 31, 2011) // Al-Jazeera: официальный сайт. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2011/5/31/syrian-president-issues-amnesty> (дата обращения: 01.04.2022).
10. Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood's Pan-European Structure. Austrian Fund for the Documentation of Religiously Motivated Extremism. — URL: https://www.dokumentations-stelle.at/wp-content/uploads/2021/10/Report_EU_Strukturen_final.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

¹³ Исаев Л., Коротаев А. Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа (10 марта 2014 г.) // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/news/126775440.html> (дата обращения: 01.04.2022).

REFERENCES

1. Al-Qardawi Yu. Islamskoe vozrozhdenie v svete dovolennogo raskhozhdeniya i osuzhdaemogo raskola [The Islamic renaissance in the light of the permitted divergence and the condemned schism]. Kiev: Ansar Foundation Publ.; 2011 (In Russ.).
2. Isaev L, Korotaev A. Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta: opyt kolichestvennogo analiza [The Political Geography of Modern Egypt: the Experience of Quantitative Analysis]. National Research University Higher School of Economics. Available at: <https://www.hse.ru/news/126775440.html> (accessed: 01.04.2022).
3. Kuznetsov AA. Sunnitsko-shiitskie protivorechiya v kontekste geopolitiki regiona Blizhnego Vostoka (1979–2016) [Sunnite-Shiite contradictions in the Context of the Geopolitics of the Middle East region (1979–2016)]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; Dmitry Pozharsky University Press; 2021 (In Russ.).
4. Al-Habsi N. Finance network of Muslim Brotherhood in the West: forms and manifestation. Trends Research & Advisory: Available at: <https://trendsresearch.org/insight/> (accessed: 01.04.2022).
5. Ehrenfeld R. The Muslim Brotherhood Evolution: An Overview. *American Foreign Policy Interests*. 2011;33(2):69–85.
6. Jose R. Revista del Instituto Español de Estudios Estratégicos: The Competition between Al Qaeda and the Islamic State. *Journal of the Spanish Institute for Strategic Studies*. 2019;14: 251–276.
7. Muslim Brotherhood Review: Main Findings (December 17, 2015). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/486932/Muslim_Brotherhood_Review_Main_Findings.pdf (accessed: 01.04.2022).
8. Ryan M. Decoding Al-Qaeda's Strategy. Washington: Columbia University Press, 2013.
9. Syrian president issues amnesty (May 31 2011). Al-Jazeera: official website. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2011/5/31/syrian-president-issues-amnesty> (accessed: 01.04.2022).
10. Vidino L, Altuna S. The Muslim Brotherhood's Pan-European Structure. Austrian Fund for the Documentation of Religiously Motivated Extremism. Available at: https://www.dokumentationsstelle.at/wp-content/uploads/2021/10/Report_EU_Strukturen_final.pdf (accessed: 01.04.2022).

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.061-066

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ СОЦИОЦЕНТРИЗМА И АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ

Сыроежкин Алексей Михайлович, аспирант кафедры административного права
и процесса Московского государственного юридического университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
syroezhkin2016@yandex.ru

© Сыроежкин А. М., 2022

Аннотация. В статье рассматривается воплощение идей социоцентризма и антропоцентризма в лицензировании как одном из способов регулирования экономических отношений и разновидности административных процедур. В рамках статьи анализируется законодательство Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и США. Методология исследования в рамках статьи включает философский, логический, формально-догматический и сравнительно-правовой методы. В статье указывается, что выражение концепций социоцентризма и антропоцентризма представляет собой приоритетность либо публичных, либо частных интересов в правовом регулировании. Антропоцентризм в лицензировании означает приоритетность прав и интересов соискателей и лицензиатов, а также иных заинтересованных лиц, в то время как проявление социоцентризма в лицензировании обуславливается приоритетностью публичных интересов. В законодательстве Российской Федерации и нормативных актах стран англосаксонской правовой семьи лицензирование направлено на защиту публичных интересов, из чего следует, что правовое регулирование преимущественно носит социоцентричный характер. Также приоритет общественных интересов выражен в установлении лицензионных требований, так как их соблюдение обеспечивает достижение цели правового регулирования. Осуществление административных процедур также обусловлено социоцентрическим подходом. При этом идеи антропоцентризма выражаются в установлении права на обжалование решений и действий властных субъектов, предусмотренного в рамках административного и судебного обжалования. В Великобритании и США для учета интересов заинтересованных лиц, чей статус отличается от соискателя лицензии и лицензиата, предусматривается возможность участия в административных процедурах, что также следует рассматривать как проявление подхода о приоритетности индивидуальных прав.

Ключевые слова: административное право; административные процедуры; лицензия; лицензиат; лицензирование; лицензионные требования; процедуры лицензирования; публичное санкционирование; антропоцентризм; социоцентризм; биоцентризм; экоцентризм; Великобритания; США.

IMPLEMENTATION OF SOCIOCENTRISM AND ANTHROPOCENTRISM IDEAS IN LICENSING

Aleksey M. Syroezhkin, Postgraduate Student, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
syroezhkin2016@yandex.ru

Abstract. The article considers the embodiment of the ideas of sociocentrism and anthropocentrism in licensing as one of the ways of regulating economic relations and a variety of administrative procedures. The article analyzes the legislation of the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the USA. The methodology of the study includes philosophical, logical, formal-dogmatic and comparative-legal methods. The article states that the expression of the concepts of sociocentrism and anthropocentrism represents the priority of either public or private interests in legal regulation. Anthropocentrism in licensing means the priority of the rights and interests of applicants and licensees, as well as other interested entities, while the manifestation of sociocentrism in licensing is conditioned by the priority of public interests. In the legislation of the Russian Federation and the regulations of the countries of the Anglo-Saxon legal family, licensing is aimed at protecting public interests, which means that legal regulation is predominantly sociocentric in nature. Also, the priority of public interests is expressed in the establishment of licensing requirements, since their compliance ensures achievement of the goal of legal regulation. The implementation of administrative procedures is also conditioned by a sociocentric approach. At the same time, the ideas of anthropocentrism are expressed in the establishment of the right to appeal against decisions and actions of government entities provided for both in the framework of administrative and judicial appeals. In the UK and the USA, in order to take into account the interests of interested persons whose status differs from the license applicant and the licensee, it is possible to participate in administrative procedures, which should also be considered as a manifestation of the approach of prioritizing individual rights.

Keywords: administrative law; administrative procedures; license; licensee; licensing; licensing requirements; licensing procedures; public authorization; anthropocentrism; sociocentrism; biocentrism; ecocentrism; Great Britain; USA.

В рамках правовой регламентации общественных отношений воплощаются концепции о приоритетности либо коллектива над индивидом, либо личностных над групповыми интересами. А. В. Габов указывает на антропоцентричность права, так как «оно создано человеком и для человека, существует только потому, что оно имеет полезность для человека, и только в таких формах, которые в соответствующий период времени востребованы (необходимы) людьми». В то же время приоритетность прав человека менялась в разные периоды истории человечества¹. Лицензирование представляет собой один из ключевых механизмов публичного регулирования экономических отношений, следовательно, в рамках установления соответствующих правовых норм преломляются идеи социоцентризма и антропоцентризма.

Концепция антропоцентризма рассматривает индивида как высшую ценность и отдает преимущество правам и интересам конкретного человека. С. П. Ковтун и А. А. Шишкина указывают, что феномен антропоцентризма, раскрываясь в системе взаимоотношений «человек — общество», находит свое выражение

¹ Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 105–122.

«в антропологической этике — системе правил отношения к себе и другим людям». В данном контексте антропоцентризм рассматривается как: 1) «отношение человека к самому себе как высшей ценности», выражающееся в осознании человеком его исключительной ценности перед обществом; 2) «осознание другого человека как высшей ценности»; 3) «признание ценности человеческой жизни», проявляющееся в «гуманизме, милосердии, стремлении к миру во всем мире»². Как отмечает Е. А. Капитонова, признание незыблемой ценностью индивидуальных прав и свобод человека связано с окончанием Второй мировой войны, однако на практике полная реализация концепции приоритета индивидуального над публичным подвергается критике и фактически не была осуществлена³.

В. А. Захарова указывает на переход от концепции антропоцентризма к идеям экологизма для обеспечения устойчивого развития и необходимости экологизации правосознания⁴. А. В. Вершков также отмечает формирование позиции о замене антропоцентризма биоцентризмом, к постулатам которого относится признание высшей ценности гармоничного развития человека и природы, признание природы и природных объектов полноправными субъектами взаимодействия с человеком, распространение этических норм и правил на взаимодействие с миром природы. При этом исследователь придерживается идей о необходимости синтеза антропоцентризма и экоцентризма, обозначаемого как новый антропоцентризм, который базируется на «идеях коэволюции общества и природы и новой этике»⁵. В то же время И. А. Авдеева, рассматривая изменение отношения человека к животным, указывает на две тенденции формирования биоэтики. Первая тенденция состоит в переходе от антропоцентризма к биоцентризму, выразившемся в гуманизации обращения к животным, в то время как вторая тенденция характеризуется использованием идей антропоцентризма о человеке как наивысшей ценности для обоснования человеческой деятельности, в том числе применения насилия «в новых масштабах и формах, когда благо человека (материальное и нематериальное) по-прежнему является аргументом, оправдывающим насилие и эксплуатацию»⁶. М. В. Номоконова считает антропоцентризм, рассматривающий человека в качестве цели «всех событий, совершающихся в мире» и человеческую жизнь наивысшей ценностью как одну из основных концепций, на которых основаны принципы биоэтики⁷. Социоцентризм базируется на приоритете общественных интересов над интересами отдельных членов социума.

В рамках указанных концепций традиционно отдается приоритет либо интересам человека (антропоцентризм), либо общественным интересам (социоцентризм), при этом продолжаются дискуссии о том, какая из идей является преобладающей в современном праве. Фактически воплощение указанных концепций в лицензировании выражается в направленности норм, целях и задачах административных процедур публичного санкционирования.

В лицензировании проявление антропоцентризма следует рассматривать как приоритетность прав и интересов соискателей и лицензиатов, необходимость

² Ковтун С. П., Шишкина А. А. О сущности антропоцентризма в современных философских концепциях // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 5. С. 50–52.

³ Капитонова Е. А. Место человека в публично-правовом пространстве в контексте кризиса антропоцентризма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2 (58). С. 30–33.

⁴ Захарова В. А. Значение правотворческого поворота от антропоцентризма к экологизму в правовой практике и формировании правосознания // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 251–252.

⁵ Вершков А. В. Антропоцентризм и современность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-1. С. 309–315.

⁶ Авдеева И. А. Трансформации гуманизма: от антропоцентризма к биоцентризму в контексте построения новых принципов отношения человека к животным // Философия и общество. 2018. № 3 (88). С. 73.

⁷ Номоконова М. В. Влияние принципа антропоцентризма на развитие биоэтики // Символ науки. 2016. № 5-3. С. 103–104.

обеспечения максимальной свободы хозяйствующих субъектов. Такую концепцию можно обозначить как узкий подход к антропоцентризму в лицензировании. Указанная концепция также может рассматриваться дополнительно и с точки зрения приоритетности прав индивидов — потребителей услуг и других физических лиц, чьи интересы затрагиваются санкционируемой экономической активностью. В рамках такого широкого подхода к антропоцентризму в лицензировании необходимо достичь баланса интересов хозяйствующих субъектов и иных заинтересованных лиц. Социоцентризм в лицензировании выражается в приоритетности интересов общества в целом по отношению к интересам как хозяйствующих субъектов, так и отдельных индивидов. Например, возможно ограничение интересов лица — владельца земельного участка, соседнего с территорией, на которой ведется лицензируемая деятельность, если выдача лицензии приведет к экономическому росту, что будет способствовать интересам населения в целом.

В российском праве лицензирование в контексте Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ⁸ (далее — Закон о лицензировании) фактически рассматривается как деятельность уполномоченных субъектов по выдаче разрешений на ведение определенных видов деятельности, а также проведение иных мероприятий, связанных с выдачей таких разрешений. В странах англосаксонской правовой семьи под лицензированием (англ.: *licensing*) в указанном выше контексте также подразумевается выдача разрешений, однако в объем данного понятия включаются государственная регистрация, сертификация и иные механизмы легитимации экономической деятельности⁹. В США фактически не разграничиваются лицензионное и иные виды разрешительных производств, получение права на управление транспортным средством и лицензии на строительство атомного объекта — равным образом обозначается как «*licensing*».

В российской доктрине используется термин «публичное санкционирование», именуемое также «административным санкционированием», которое обозначает совокупность административных производств, в том числе регистрационных и лицензионно-разрешительных¹⁰. Таким образом, в странах общего права лицензирование используется в узком смысле, аналогичном российскому термину «лицензирование», и в широком смысле, сходном с российским публичным санкционированием.

Исходя из положений российского Закона о лицензировании, реализация соответствующих властных полномочий направлена прежде всего на предотвращение вызванного экономической активностью ущерба охраняемым интересам, которые носят преимущественно публичный характер, а именно данный акт направлен на превенцию нарушений прав и законных интересов граждан, на сохранение их жизни и здоровья, на поддержание нормального состояния окружающей среды и объектов культурного наследия, а также на обеспечение обороны и безопасности государства.

В странах англосаксонской правовой семьи лицензирование в узком смысле также обеспечивает защиту публичных интересов. В главе 395 титула XXIX Статутов Флориды (*Florida Statutes*)¹¹ указано, что регламентация медицинской деятельности, в том числе лицензирование, направлена на защиту здоровья населения и безопасность оказания медицинских услуг. В Великобритании согласно Закону о частных службах

⁸ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

⁹ Мельничук Г. В. Субъекты лицензирования и лицензия как вид административного разрешения в правовой системе США // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 265–266.

¹⁰ Прокошева Е. А. Административное санкционирование как форма публичной деятельности: понятие и основные признаки // Административное и муниципальное право. 2014. № 11 (83). С. 1175–1180.

¹¹ Статуты Флориды (*Florida Statutes*) // *Florida Administrative Rules, Law, Code, Register* — FAC, FAR, eRulemaking. URL: <https://www.flrules.org/> (дата обращения: 01.04.2022).

безопасности 2001 г. (Private Security Industry Act 2001)¹² предоставление услуг частной охраны подлежит лицензированию, осуществляемому уполномоченным органом для обеспечения публичной безопасности. В других актах вышеуказанных стран установлены аналогичные положения.

Публичная направленность также прослеживается в лицензионных требованиях, следование которым способствует достижению цели введения лицензионного режима. Таким образом, назначение лицензирования обосновывается законодательством преимущественно с социоцентрической точки зрения, так как введение подобного регулирования экономических отношений обусловлено позицией законодательного органа государственной власти об актуальности установления мер по защите публичного интереса.

Лицензирование как деятельность представляет собой совокупность административных процедур, среди которых выдача лицензий, проведение контрольно-надзорных мероприятий, реализация полномочий по реагированию на возникновение рисков причинения вреда охраняемым интересам и применение лицензионных санкций наиболее ярко выражают идеи социоцентризма, так как преимущественно направлены на удостоверения соответствию лицензионным требованиям хозяйствующего субъекта, а в случае выявления нарушений — на применение карательных и праввосстановительных мер, обеспечивающих публичный интерес.

С другой стороны, идеи защиты индивидуальных прав отражены в положениях о возможности обжалования решений лицензирующих органов, в том числе через механизм административных процедур и в рамках реализации права на судебную защиту. Однако преимущественно такие положения обеспечивают защиту прав и интересов соискателей лицензии и лицензиатов, а выражение идей антропоцентризма о защите индивидуальных прав иных заинтересованных лиц, например жителей территории, на которой ведется санкционируемая деятельность, в российском законодательстве выражено достаточно слабо, в связи с чем возникает необходимость усиления роли заинтересованных лиц, не обладающих статусом соискателя лицензии или лицензиата. В то же время в странах англосаксонской правовой семьи предусматривается возможность участия в процедурах лицензирования представителей населения. Например, в Великобритании согласно Закону о лицензировании 2003 г. (Licensing Act 2003)¹³ жители вправе в индивидуальном порядке приводить свои позиции по поводу выдачи лицензии на помещение, в котором будет осуществляться розничная продажа алкогольной продукции.

Соотношение идей антропоцентризма и социоцентризма в регламентации лицензирования выражено в том, как учитываются интересы соискателей, лицензиатов, иных заинтересованных лиц, общества и государства. При этом введение лицензирования в определенной сфере отражает позицию законодателя о необходимости защиты публичного интереса. Административные процедуры лицензирования и меры реагирования на нарушения лицензионного законодательства преимущественно направлены на защиту публичного интереса, следовательно, в рамках лицензирования преобладает социоцентризм, однако для защиты прав индивидов, не имеющих статуса лицензиата или соискателя, в Великобритании и США устанавливается возможность их непосредственного участия в административных процедурах, что свидетельствует о тенденции использования также и идей антропоцентризма.

¹² Закон о частных службах безопасности 2001 г. (Private Security Industry Act 2001) // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/12/contents> (дата обращения: 01.04.2022).

¹³ Закон о лицензировании 2003 г. (Licensing Act 2003) // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/17/contents> (дата обращения: 01.04.2022).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева И. А. Трансформации гуманизма: от антропоцентризма к биоцентризму в контексте построения новых принципов отношения человека к животным // *Философия и общество*. — 2018. — № 3 (88). — С. 66–82.
2. Вершков А. В. Антропоцентризм и современность // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2014. — № 5-1. — С. 309–315.
3. Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. — 2018. — № 2 (121). — С. 105–122.
4. Захарова В. А. Значение правотворческого поворота от антропоцентризма к экологизму в правовой практике и формировании правосознания // *Общество и право*. — 2013. — № 4 (46). — С. 248–253.
5. Капитонова Е. А. Место человека в публично-правовом пространстве в контексте кризиса антропоцентризма // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. — 2021. — № 2 (58). — С. 28–35.
6. Ковтун С. П., Шишкина А. А. О сущности антропоцентризма в современных философских концепциях // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. — 2018. — № 5. — С. 50–52.
7. Мельничук Г. В. Субъекты лицензирования и лицензия как вид административного разрешения в правовой системе США // *Пробелы в российском законодательстве*. — 2011. — № 1. — С. 265–268.
8. Номоконова М. В. Влияние принципа антропоцентризма на развитие биоэтики // *Символ науки*. — 2016. — № 5-3. — С. 103–104.
9. Прокошева Е. А. Административное санкционирование как форма публичной деятельности: понятие и основные признаки // *Административное и муниципальное право*. — 2014. — № 11 (83). — С. 1175–1180.

REFERENCES

1. Avdeeva IA. Transformatsii gumanizma: ot antropotsentrizma k biotsentrizmu v kontekste postroeniya novykh printsipov otnosheniya cheloveka k zhiivotnym [Transformations of humanism: from anthropocentrism to biocentrism in the context of building new principles of human attitude to animals]. *Philosophy and Society*. 2018;3(88):66-82 (In Russ.).
2. Vershkov AV. Antropotsentrizm i sovremennost [Anthropocentrism and modernity]. *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*. 2014;5(1):309-315 (In Russ.).
3. Gabov AV. Pravosubektnost: traditsionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epokhu [Legal Personality: Traditional Category of Law in the Modern Era]. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2018;2(121):105-122 (In Russ.).
4. Zakharova VA. Znachenie pravotvorcheskogo povorota ot antropotsentrizma k ekologizmu v pravovoy praktike i formirovanii pravosoznaniya [The value of law-making turn from anthropocentrism to environmentalism in legal practice and the formation of legal consciousness]. *Society and Law*. 2013;4(46):248-253 (In Russ.).
5. Kapitonova EA. Mesto cheloveka v publichno-pravovom prostranstve v kontekste krizisa antropotsentrizma [The Human Place in the Public Legal Space in the Context of the Anthropocentrism Crisis]. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2021;2(58):28-35 (In Russ.).
6. Kovtun SP, Shishkina AA. O sushchnosti antropotsentrizma v sovremennykh filosofskikh kontseptsyakh [On the Essence of Anthropocentrism in Modern Philosophical Concepts]. *Intellect. Innovation. Investment*. 2018;5:50-52 (In Russ.).
7. Melnichuk GV. Subekty litsenzirovaniya i litsenziya kak vid administrativnogo razresheniya v pravovoy sisteme SShA [Licensing subjects and license as a type of administrative authorization in the US legal system]. *Gaps in Russian Legislation*. 2011;1:265-268 (In Russ.).
8. Nomokonova MV. Vliyanie printsipa antropotsentrizma na razvitie bioetiki [The influence of the principle of anthropocentrism on the development of bioethics]. *Simvol nauki*. 2016;5(3):103-104 (In Russ.).
9. Prokosheva EA. Administrativnoe sanktsionirovanie kak forma publichnoy deyatel'nosti: ponyatie i osnovnye priznaki [Administrative authorization as a form of public activity: the concept and main features]. *Administrative and Municipal Law*. 2014;11(83):1175-1180 (In Russ.).

НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Скоробогатов Андрей Валерьевич, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент
420111, Россия, Казань, ул. Московская, д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2022

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли нормативного правового акта в правовой реальности, его воздействию на сознание поведение и граждан. Внимание обращено на политическую элиту как адресанта правовой коммуникации. В качестве средств воздействия на сознание и поведение адресатов выступают нормативно закрепленные прежде всего запреты и обязанности, в меньшей степени дозволения. Формой выражения этих средств являются нормативные правовые акты. С помощью нормативных актов государство конструирует деонтологический образ правового бытия. Усвоение индивидом этих императивов должно обеспечить ценностные основания правовых действий человека, достижение режима законности и правопорядка, обеспечить гармонизацию всех уровней правовой реальности. На основе конструктивистско-коммуникативной методологии в статье сделан вывод, что нормативный правовой акт выступает важнейшим средством конструирования правовой реальности. Содержащаяся в акте правовая информация направлена на формирование в сознании субъекта ценностной установки на совершение действий, необходимых для поддержания правопорядка, обеспечения удовлетворения и баланса интересов государства-адресанта и индивида-адресата правовой коммуникации. Воздействуя на сознание и поведение адресата, нормативный правовой акт не только формирует в его сознании образ правовой реальности и его место в ней, но и определяет стратегию и тактику действий индивида, позволяющих ему быть полноправным участником общественных отношений по конструированию этой реальности и идентифицировать себя в качестве гражданина.

Ключевые слова: право; правовая реальность; правовая коммуникация; социальное конструирование; правовая информация; правовые средства; законодательство; нормативный правовой акт; закон; правовое регулирование.

A NORMATIVE LEGAL ACT AS A MEANS OF LEGAL REALITY CONSTRUCTING

Andrey V. Skorobogatov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of the State and Law and Public Law Disciplines, Timiryasov Kazan Innovation University
ul. Moskovskaya, d. 42, Kazan, Russia, 420111
av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of a normative legal act in legal reality, its impact on the consciousness of behavior and citizens. Attention is drawn to the political elite as the addressee of legal communication. As a means of influencing the consciousness and behavior of the addressees, there are normatively fixed prohibitions and duties, to a lesser extent permits. Normative legal acts constitute the form of expression of these means. With the help of normative acts, the state constructs a deontological image of legal existence. The assimilation of these imperatives by an individual should ensure the value bases of human legal actions, the achievement of a regime of legality and law and order, and ensure the harmonization of all levels of legal reality. Based on the constructivist-communicative methodology, the article concludes that the normative legal act is the most important means of constructing legal reality. The legal information contained in the act is aimed at forming a value attitude in the creation of the subject to perform actions necessary to maintain law and order, to ensure satisfaction and balance of the interests of the addressee state and the addressee individual of legal communication. Influencing the consciousness and behavior of the addressee, the normative legal act not only forms in his mind the image of legal reality and its place in it, but also determines the strategy and tactics of the individual's actions, allowing him to be a full participant in social relations for the construction of this reality and identification himself as a citizen.

Keywords: law; legal reality; legal communication; social construction; legal information; legal means; legislation; regulatory legal act; law; legal regulation.

Правовая реальность России традиционно носит конструируемый характер. Несмотря на стремление отказаться от нормативистской доктрины в пользу интегративной¹, что должно свидетельствовать о демократизации правовой реальности, полного отказа от ведущей роли нормативного правового акта в правовом воздействии не произошло. В значительной степени это обусловлено правовыми архетипами, ведущее место среди которых занимают этатизм и патернализм. Хотя изначально Конституция РФ² ориентировала на признание в качестве высшей ценности прав и свобод человека (ст. 2), являющихся трансфером евроатлантической правовой культуры, конституционная реформа 2020 г. сместила стратегические акценты развития правовой реальности России на традиционные ценности³. Еще больше это усилено на уровне документов стратегического планирования. В частности, в Стратегии национальной безопасности⁴ обеспечение интересов и потребностей граждан поставлено в зависимость от обеспечения безопасности государства и «укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ст. 25). Тем самым государство заявляет об усилении консервативной направленности право-культурного развития, а следовательно, о восстановлении традиционной ведущей роли нормативных правовых актов в правовом регулировании и правовом воздействии⁵.

В России отсутствует закон о нормативных правовых актах. Определенно работает в этом плане постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными

¹ Ershov V. V. Legal Understanding, Law Making and Law Implementation // Justice. 2021. Т. 3. № 1. Р. 14–30.

² Гарашко А. Ю. Закон как средство конкретизации и реализации Конституции // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 49–54.

³ Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 г. в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

⁵ Ильина Т. Н. «Закон и Указ»: Нормативные акты Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12. С. 95–106.

свойствами»⁶, где приведены признаки нормативных правовых актов: «Признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений» (ст. 2). Анализ этого определения на основе конструктивистско-коммуникативной методологии позволяет всесторонне представить роль нормативных правовых актов в воздействии на правовую реальность.

Создание нормативного правового акта носит целенаправленный характер. Адресант, конструируя в сознании образ правовой реальности, одновременно создает модель поведения адресатов и отношений, в которые они вступают между собой и с адресантом. Полученная модель выступает в качестве эталона при оценке содержания, направленности и результата деятельности адресата. Транслируя адресату информацию об этой модели, адресант формирует ценностную установку на совершение действий, необходимых для конструирования правовой реальности каждым субъектом, и наказания за действия, которые препятствуют правовому конструированию. Таким образом, реализация адресатом позитивного права является средством достижения объективированной формы существования правовой реальности — правопорядка. Поступательный характер правореализации при этом коррелирует с характером социальной легитимации власти и права.

Конвенциональность правовой коммуникации в демократическом обществе обуславливает восприятие адресатом нормативных правовых актов в качестве формализации правил социального взаимодействия, которые созданы субъектом (адресантом), имеющим легитимную санкцию на легальное регулирование общественных отношений. При этом адресант, ориентируясь на конвенциональность взаимодействия с адресатом, стремится сконструировать такие правила, которые обеспечивают бесконфликтное сосуществование в обществе, а также удовлетворение интересов и потребностей адресата как его части. Подобная рефлексия адресатом нормативного правового акта формирует в сознании адресата установку на совершение правовых действий в силу внутреннего убеждения в их необходимости для достижения и поддержания правопорядка в интересах всех участников коммуникации. Однако для индивида в этой ситуации важно, что правовая коммуникация носит горизонтальный характер, позволяющий ему выступать не только в качестве адресата, но и адресанта конструирования правовой реальности. Его участие в коммуникации в качестве адресата обусловлено не принуждением или иным воздействием со стороны адресанта, а собственным выбором. Тем самым легитимация позитивного права будет носить не абстрактный, а персонализированный характер. Каждый участник правовой коммуникации воспринимает ее результат как элемент собственного участия в решении общих вопросов, а следовательно, его интересы учтены непосредственно. Примером может служить интернет-обсуждение Федерального закона «Об образовании в РФ», не только отразившего представления политической элиты об этой сфере социальной жизни, но и напрямую выражающий потребности граждан.

Эталонный характер нормативных правовых актов в правовом регулировании и правовом воздействии акцентирует на необходимость строго очерченных пределов и точно сформулированных положений⁷, реализация которых адресатом не должна предполагать возможность разночтений как на уровне сознания, так и на

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. 2019. № 6. 15 янв.

⁷ Семенов В. А. Право и закон: необходимый дуализм // Философские науки. 2019. Вып. 62 (3). С. 56–76.

уровне поведения. Адресант должен быть убежден, что действия адресата по реализации правовой информации, заложенной в нормативном правовом акте, будут способствовать конструированию правовой реальности в том направлении и с тем содержанием, который заложен в модели⁸.

Содержащаяся в нормативном правовом акте правовая информация, по мнению адресанта, является обязательной для адресата и может быть неоднократно реализована на практике для обеспечения и поддержания стабильности правовой реальности, обеспечения баланса интересов государства, общества и человека⁹. При этом формируется модель поведения адресата, которая, по мнению адресанта, и будет обеспечивать функционирование правовой реальности¹⁰. Несмотря на то что существуют два метода правового регулирования: императивный и диспозитивный, характер воздействия адресанта на сознание и поведение адресата носит императивный характер¹¹. Однако достигается это различными способами. Во-первых, императивностью обладают процессуальные нормы, определяющие содержание правоприменения как в сфере вертикальной, так и горизонтальной правовой коммуникации. Во-вторых, материальные нормы публичного права, определяющие особенности вертикальной правовой коммуникации, носят исключительно императивный характер. В-третьих, материальные нормы частного права, определяющие горизонтальное взаимодействие между адресатами, хотя и сформулированы диспозитивно, но поставлены в императивные границы. Используя прескриптивную эпистемологию, адресант придает нормам форму правил поведения общего характера.

При этом адресант в равной степени использует легитимацию и государственное принуждение. В первом случае речь идет о создании ценностной установки на необходимость выполнения адресатом правовых императивов на добровольной основе в силу убежденности в их ценности и правильности для поддержания правопорядка, обеспечения интересов не только государства, но и человека¹². Во втором случае эталонное поведение адресата обеспечивается закреплением в тексте нормативных правовых актов системы принуждения к действиям, обеспечивающим конструирование, поступательное развитие и бесконфликтное функционирование правовой реальности, и наказания за противоправные (противозаконные) поступки¹³. При этом адресант может варьировать эти способы в соответствии с текущими правовыми целями.

Трансляция правовой информации необходима, по мнению адресанта, для формирования в сознании адресата ценностных установок на совершение действий, которые способны обеспечить достижение и поддержание правопорядка, в т.ч. права, потребности и интересы как отдельных индивидов, так и общества в целом¹⁴. Адресант посредством нормативного правового акта информирует адресата о содержании, технологии и порядке правовых действий, необходимых для преодоления отдельных конфликтов и профилактики конфликтогенности в обществе в целом. Это имеет принципиальное значение в случаях, когда субъект может в перспективе стать участником этих отношений¹⁵. Информация о необходимых правовых дей-

⁸ Жинкин С. А. О целях правового воздействия в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 105–108.

⁹ Alexy R. *Law's Ideal Dimension*. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 129.

¹⁰ Губаева Т. В. [и др.]. Нормы права: теоретико-правовое исследование. М. : РАП, 2014. С. 32.

¹¹ Camby J.-P. La loi et la norme (À propos de la décision n° 2005-512 DC du 21 avril 2005) // *Revue du droit public*. 2005. No. 4. P. 849–867.

¹² Скачкова А. Е., Честнов И. Л. Легитимность нормативных правовых актов // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 3. С. 44–48.

¹³ Dieth E. *Integration by Cooperation: A Constructivist Social Theory and a Theory of the State and the Law*. Wien: Springer, 2011. viii, 498 p.

¹⁴ Alexy R. *Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 262–270.

¹⁵ Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // *The Hastings Law Journal*. Vol. 38. Iss. 5. P. 814–853.

ствиях человека в той или иной ситуации при осуществлении своих прав и удовлетворении потребностей способствует не только пониманию индивидом содержания и последствий его поведения, но и мотивирует его на поступки, осуществление которых позволит ему стать полноправным участником отношений или идентифицировать себя в качестве такового. Хотя нельзя исключить игнорирование индивидом правил поведения (целенаправленно или ситуативно) и возможных дефектов нормативных правовых актов, что способствует затруднению полной бесконфликтности правового взаимодействия, правовое информирование выступает средством превенции возникновения новых конфликтов. Поэтому совершенно неслучайно ему уделяется столь значительное внимание в процессе правовой социализации, особенно вторичной.

В силу своей природы нормативный правовой акт является общеобязательным для лиц, которым он адресован, и предусматривает санкцию за нарушение его положений. Поэтому действия, противоречащие правовой информации, содержащейся в акте, могут привести к применению по отношению к адресату негативных последствий, предусмотренных адресантом в случае нарушения нормативных положений¹⁶.

Нормативный правовой акт как выражение воли адресанта не только устанавливается, но и обеспечивается государством, которое выступает единственным не только легальным, но и легитимным субъектом, имеющим право применять насилие по отношению к человеку¹⁷. Речь идет не только о прямом принуждении нормативных правовых актов, но и об опосредованном. В первом случае мы имеем в виду деонтологический характер источника права, ориентирующего человека на соблюдение правил не столько в силу их содержания, сколько в силу их включенности в официальный юридический текст. Во втором случае, подразумевается, что нормативный правовой акт наделяет правоприменителя правом принуждения для обеспечения реализации нормы как им самим, так и иными гражданами. Так, УПК РФ, определяя роль суда в наказании лица, совершившего противоправное деяние, закрепляет: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 8).

Нормативный правовой акт выполняет специфическую задачу аксиологической детерминации правового поведения, заключающуюся в установлении общего круга лиц, которые выступают в качестве адресатов, установить содержание правового взаимодействия и права и обязанности его участников. Кроме того, нормативный правовой акт призван определить перечень и пределы обстоятельств, при которых на адресата распространяются включенные в него правила, и указать государственно-принудительные мероприятия, которые применяются к адресатам при невыполнении в полном объеме нормативных положений.

С помощью нормативного правового акта адресант проводит демаркационную линию, отделяющую должное от недопустимого, правильное от неправильного. Язык нормативного правового акта — не произвольная форма правовой информации, а выражение правовой позиции государства, возбудитель правового мышления и регулятор правового поведения¹⁸. Он призван обеспечить убежденность адресата в непогрешимости адресанта. Технически такое воздействие обеспечивается с помощью четко организованных, системно организованных лингвистических и юридических элементов, обеспечивающих качество нормативного правового акта. Однако эффективность нормативного правового акта определяется не только его качеством, но и наличием обратной связи адресата и адресанта, связанной с формированием в сознании первого сложной морально-правовой системы, определяющей

¹⁶ Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2006. P. 65–70.

¹⁷ Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford : Oxford University Press, 1979. P. 25.

¹⁸ Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2004. С. 34.

потребность в интеллектуальной самооценке собственного правового поведения, оценке его корреляции с поведением других членов сообщества, с которым он себя идентифицирует. При этом гражданин-адресат выделяет элементы нормативного правового акта, которые являются значимыми не только для сообщества, но и для него лично как в профессиональном отношении, так и в обыденных действиях.

Нормативный правовой акт — важнейшее средство конструирования правовой реальности. Содержащаяся в акте правовая информация направлена на формирование в сознании субъекта ценностной установки на совершение действий, необходимых для поддержания правопорядка, обеспечения удовлетворения и баланса интересов государства-адресанта и индивида-адресата правовой коммуникации. Воздействуя на сознание и поведение адресата, нормативный правовой акт не только формирует в его сознании образ правовой реальности и его место в ней, но и определяет стратегию и тактику действий индивида, позволяющих ему быть полноправным участником общественных отношений по конструированию этой реальности и идентифицировать себя в качестве гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабурин С. Н.* Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 1. — С. 3–6.
2. *Гарашко А. Ю.* Закон как средство конкретизации и реализации Конституции // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2018. — № 4. — С. 49–54.
3. *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. — М. : Норма, 2004. — 160 с.
4. *Губаева Т. В.* [и др.]. Нормы права: теоретико-правовое исследование. — М. : РАП, 2014. — 164 с.
5. *Жинкин С. А.* О целях правового воздействия в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — № 4. — С. 105–108.
6. *Ильина Т. Н.* «Закон и Указ»: Нормативные акты Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2015. — № 12. — С. 95–106.
7. *Семенов В. А.* Право и закон: необходимый дуализм // Философские науки. 2019. Вып. 62 (3). С. 56–76.
8. *Скачкова А. Е., Честнов И. Л.* Легитимность нормативных правовых актов // Журнал правовых и экономических исследований. — 2017. — № 3. — С. 44–48.
9. *Alexy R.* Law's Ideal Dimension. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 319 p.
10. *Alexy R.* Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. — 292 S.
11. *Bourdieu P.* The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // The Hastings Law Journal. — Vol. 38. — Iss. 5. — P. 814–853.
12. *Camby J.-P.* La loi et la norme (À propos de la décision n° 2005-512 DC du 21 avril 2005) // Revue du droit public. — 2005. — No. 4. — P. 849–867.
13. *Cotterrell R.* Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. — Aldershot : Ashgate Publishing Limited, 2006. — 206 p.
14. *Dieth E.* Integration by Cooperation: A Constructivist Social Theory and a Theory of the State and the Law. — Wien : Springer, 2011. — viii, 498 p.
15. *Ershov V. V.* Legal Understanding, Law Making and Law Implementation // Justice. — 2021. — T. 3. — No. 1. — P. 14–30.
16. *Raz J.* The Authority of Law: Essays on Law and Morality. — Oxford : Oxford University Press, 1979. — 283 p.

REFERENCES

1. Baburin SN. Konstitutsionnaya reforma 2020 goda v Rossiyskoy Federatsii kak put ukrepleniya natsii [The 2020 Constitutional Reform in the Russian Federation as a Way to Strengthen the Nation]. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;1:3-6 (In Russ.).
2. Garashko AYU. Zakon kak sredstvo konkretizatsii i realizatsii Konstitutsii [The Law as a Means of Concretization and Implementation of the Constitution]. *International Journal of Constitutional and State Law*. 2018;4:49-54 (In Russ.).
3. Gubaeva TV. Yazyk i pravo. Iskustvo vladeniya slovom v professionalnoy yuridicheskoy deyatel'nosti [Language and law. The art of word mastery in professional legal activity]. Moscow: Norma Publ.; 2004 (In Russ.).
4. Gubaeva TV, et al. Normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie [Norms of law: theoretical and legal research]. Moscow: RAP Publ.; 2014 (In Russ.).
5. Zhinkin SA. O tselyakh pravovogo vozdeystviya v sovremennoy Rossii [About the goals of legal influence in modern Russia]. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2018;4:105-108 (In Russ.).
6. Ilyina TN. «Zakon i Ukaz»: Normativnye akty Rossiyskoy imperii [«Law and Decree»: Normative acts of the Russian Empire]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. 2015;12:95-106 (In Russ.).
7. Semenov VA. Pravo i zakon: neobkhodimy dualizm [Right and Law: The Necessary Dualism]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019; 62(3): 56-76 (In Russ.).
8. Skachkova AE, Chestnov IL. Legitimnost normativnykh pravovykh aktov [Legitimacy of Regulatory Legal Acts]. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2017;3:44-48 (In Russ.).
9. Alexy R. Law's Ideal Dimension. Oxford: Oxford University Press; 2021 (In Russ.).
10. Alexy R. Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1995.
11. Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field. *The Hastings Law Journal*. 1987;38(5):814-853 (In Russ.).
12. Camby J-P. La loi et la norme (À propos de la décision n° 2005-512 DC du 21 avril 2005). *Revue du droit public*. 2005;4:849-867.
13. Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Aldershot: Ashgate Publishing Limited; 2006.
14. Dieth E. Integration by Cooperation: A Constructivist Social Theory and a Theory of the State and the Law. Wien: Springer Publ.; 2011.
15. Ershov VV. Legal Understanding, Law Making and Law Implementation. *Justice*. 2021;3(1): 14-30.
16. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford: Oxford University Press; 1979.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 573)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

2 / 2022

WWW.RUS-LAW.ONLINE